Master Negative
Storage Number

OCI00050.11

S-v, T.

Permskie liesa, ili, Zhizn'

Moskva

1890

Reel: 50 Title: 11

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

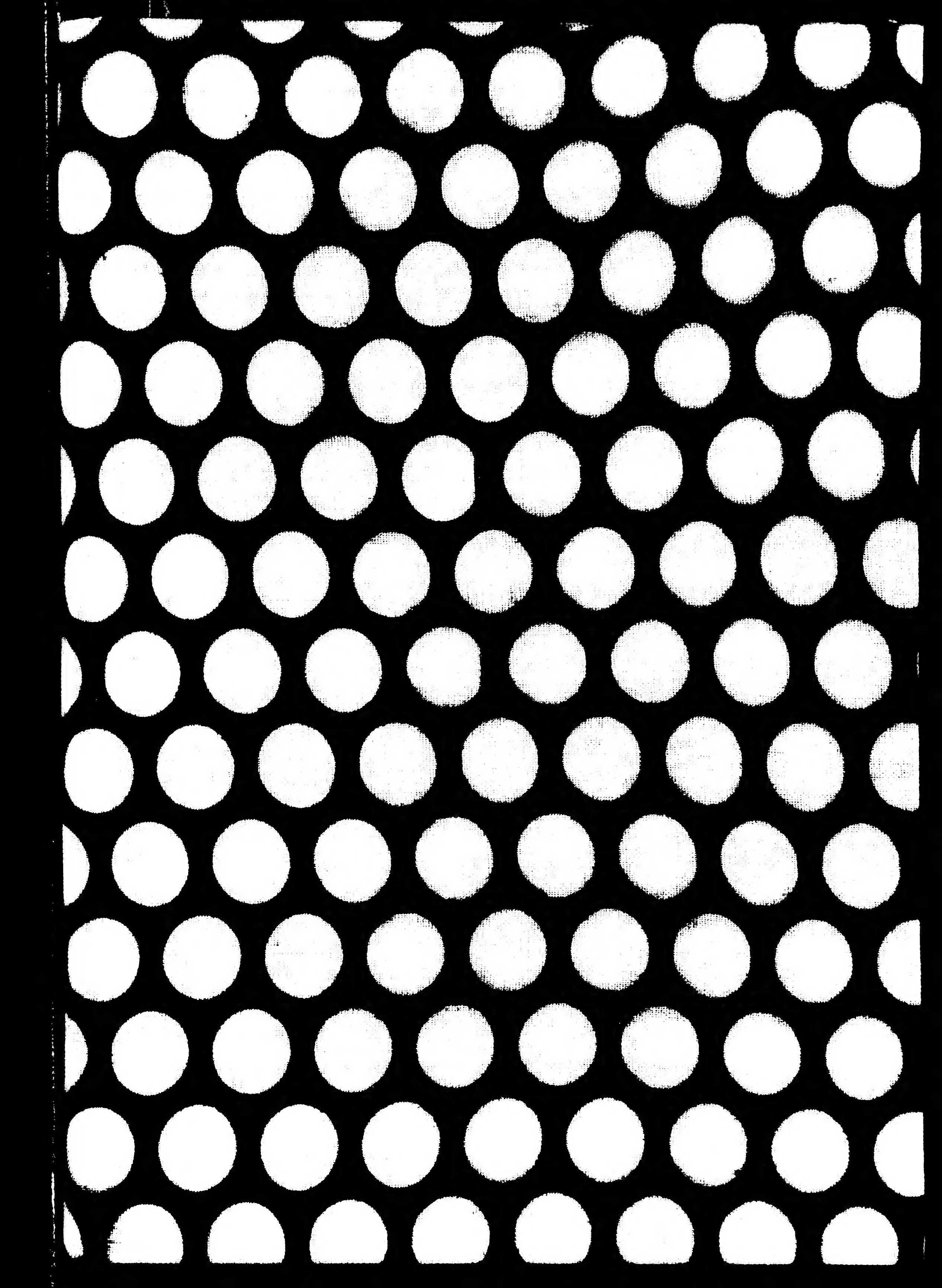
RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

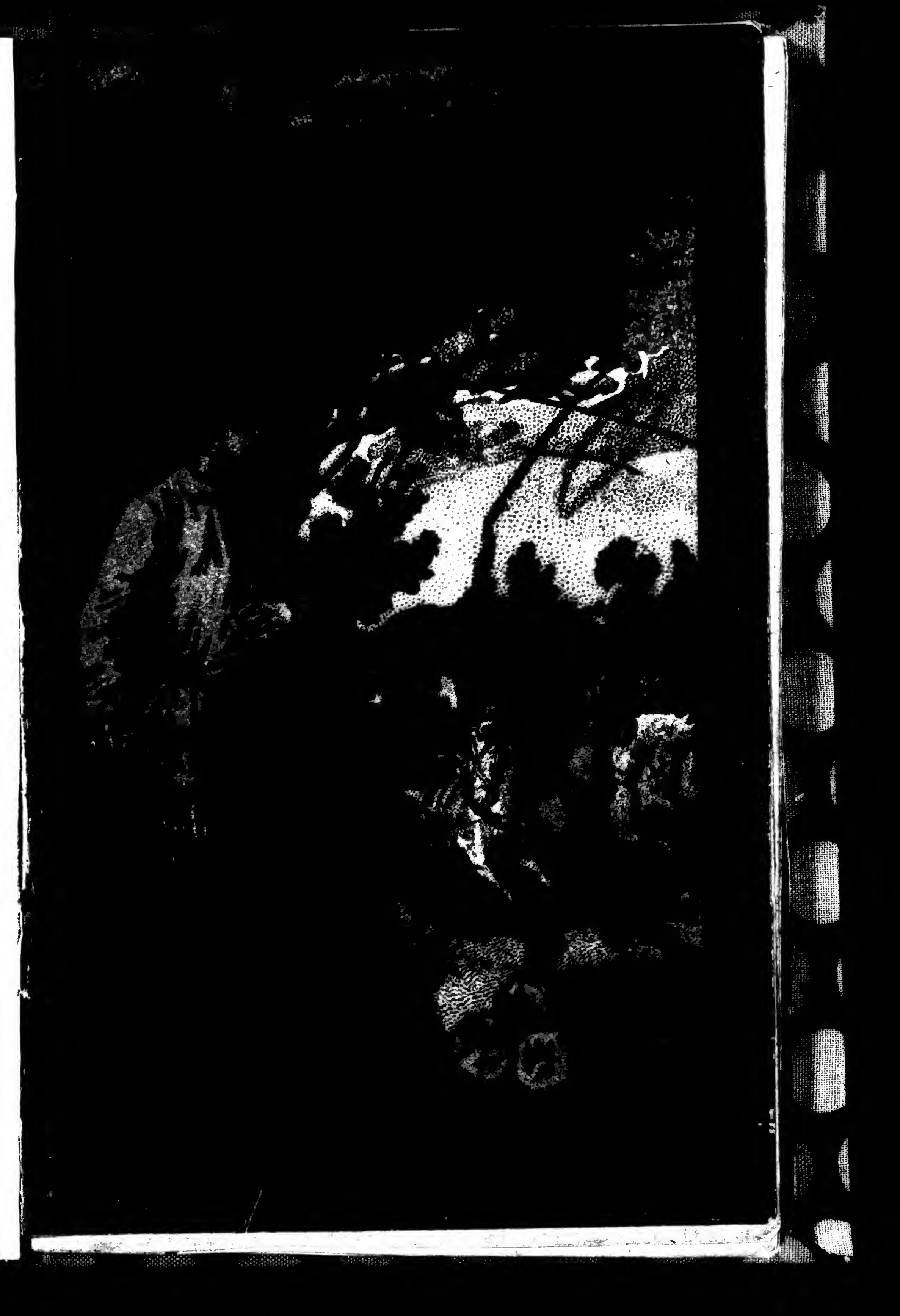
Master Negative Storage Number:

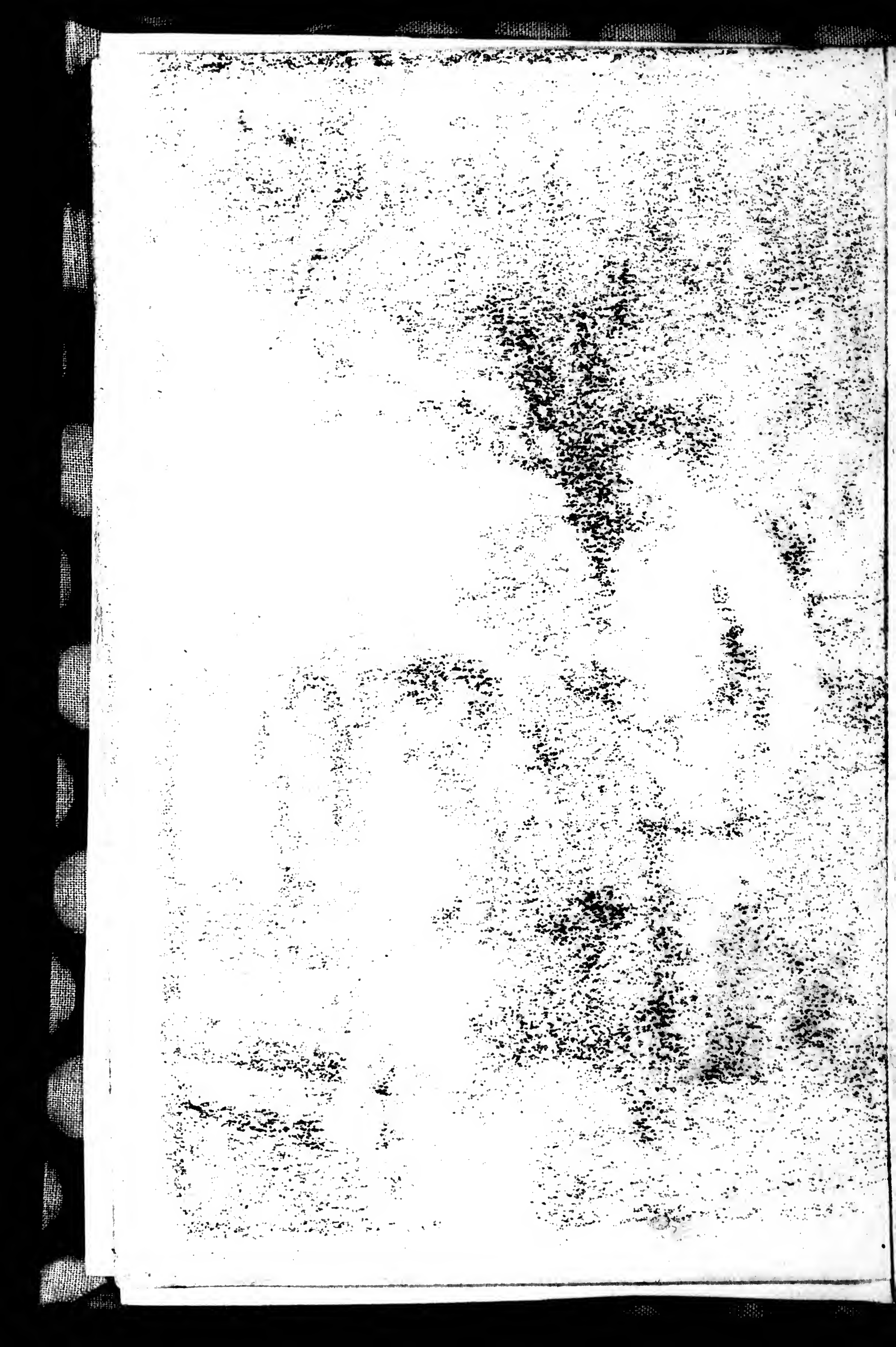
OCI00050.11

Control Number: BGO-1193
OCLC Number : 25126352
Call Number : W 381.5917L S1
Author : S-v, T.
Title : Permskie liesa, ili, Zhizn' i prikliucheniia liesnago brodiagi : predanie / sochinenie T. S-v.
Edition : Izd. 6.
Imprint : Moskva : Tip. V. IA. Barbei, 1890.
Format : 96 p. ; 18 cm.
Note : Colored illustrations on cover.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10/28/94
Camera Operator: CT

ПЕРМСКІЕ ЛѢСА

или

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ ЛѢСНАГО БРОДЯГИ.

ПРЕДАНІЕ.

Сочиненіе Т. С-въ.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

МОСКВА.

1890.

Дозволено цензурою. Москва, 27 Сентября 1889 года.

Тип. В. Я. Барбей, Большая Никитская, д. Черневой.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ предлагаемомъ разсказѣ выводится глубоко падшая личность, не лишенная хорошихъ началъ и побужденій; но вслѣдствіе внутренней слабости нравственныхъ понятій и стеченія дурныхъ обстоятельствъ она идетъ по пути порока и гибнетъ. У многихъ существуетъ убѣжденіе, что будто человѣкъ неволенъ въ своей судьбѣ, что какъ бы онъ не силился, но отъ нея никакъ не можетъ уйти, даже въ народномъ представленіи проведена мысль о неизбѣжности своей доли, какъ о неотразимомъ рокѣ; «отъ своей судьбы не уйдешь», говоритъ пословица. Но такая мысль совершенно невѣрна въ своемъ основаніи. Счастливая или несчастливая судьба человѣка главнымъ образомъ всегда зависитъ отъ собственной воли, стремленій и большой или меньшой способности управлять своими страстями, словомъ: онъ самъ себѣ создаетъ жизнь и свою хорошую или злую долю, а кажущаяся необходимость есть только призракъ, общій вымыслъ

поверхностнаго взгляда. Проводя эту мысль, въ этомъ очеркѣ я старался нагляднымъ образомъ представить, что преступленіе и порокъ коренятся въ глубокомъ невѣжествѣ, суевѣріи, въ нравственномъ и умственномъ неразвитіи. Основой разсказа служили мѣстныя преданія о бродягахъ, а также и статья: «Народныя преступленія и несчастія», помѣщенная въ От. Зап. за 1869 г.

В. С—въ.

ГЛАВА I.

Невольный убійца.—Бѣгство.—Юношеская жизнь.

Былъ конецъ августа 1814 года. На грязной улицѣ одного изъ самыхъ меленькихъ и бѣдныхъ городковъ пермской губерніи, играло въ лапту человѣкъ десять и взрослыхъ и малыхъ ребятъ. Игра шла весело. Веселые голоса шумно и звонко раздавались въ воздухѣ, нарушая тихое спокойствіе уѣзднаго городишка, который какъ-то грустно выглядывалъ среди густыхъ лѣсовъ этой мѣстности. Если бы не было видно на улицѣ веселящейся группы молодыхъ ребятъ, то можно было подумать, что будто бы весь городишко вымеръ и что въ ветхихъ и пошатнувшихся его домикахъ не существуетъ ни одной живой ду-

ши. Такъ грустно было внутри этого городка, но впрочемъ не веселѣе было и извнѣ. Кругомъ, на необозримое пространство тянулись хвойные лѣса. Мрачно и тихо было тутъ: ни чей живой и веселый голосъ не оживлялъ ихъ и только вѣтеръ гудѣлъ и шумѣлъ среди вѣковыхъ сосенъ да мелкихъ кустовъ, сросшихся такъ густо, что не было возможности безъ топора пробраться сквозь ихъ чащу. Никогда лучи солнца не проникали въ эту глушь, и ихъ блескъ только скользилъ по верхушкамъ деревъ. Ночью эти лѣса оглашались или пронзительнымъ воемъ волковъ, или глухимъ ревомъ сибирскаго медвѣдя, а иногда раздавался пискливый крикъ ласки. Да!— жутко и непривѣтливо было здѣсь. По мѣстнымъ преданіямъ и разсказамъ они служили еще и притономъ разнаго рода бродягамъ, которые жили здѣсь какъ звѣри, одичалые и голодные, выходили на трактовыя дороги и грабили проходящихъ.

Игравшіе на улицѣ ребята были одѣты бѣдно, а по ухваткамъ и рѣчамъ ихъ можно было заключить, что они принадлежатъ къ самымъ бѣднѣйшимъ обывателямъ города. Дѣйствительно — ихъ отцы, для поддержанія своей жизни, крали у крестьянъ собакъ и кошекъ, сдирали съ нихъ шкуры и продавали на заводы сибирскаго города Тюмени, или воровали лошадей, подкрашивали ихъ, а потомъ сбывали коно-

крадамъ и барышникамъ. Подобныя занятія въ то время были здѣсь въ обычаѣ, велись изстари,—такъ жили дѣды, отцы, точно такой же дорогѣ предназначались у нихъ дѣти, за неимѣніемъ въ виду ничего лучшаго.

Ребята сначала мирно играли. Но вотъ одинъ изъ нихъ, схватилъ мячъ, пустилъ имъ въ своего противника и крикнувъ:

— Попалъ... давай городъ!.. бросился съ своими товарищами къ другимъ ребятамъ, которые стояли на противоположной сторонѣ и владѣли городомъ. Подбѣжавшіе потребовали сдачи его; но противники, не признавая правильности удара, не соглашались уступить своего мѣста. Завязалась ссора. Отъ словъ скоро перешло къ дѣлу: началась ожесточенная драка. Противники яростно напали другъ на друга и свирѣпо угощали кулаками. Дрались всѣ кромѣ только одного, лѣтъ шестнадцати, молодаго парня, крѣпко сложеннаго, который отошелъ въ сторону и оперся на свою лапту. Не смотря на то, что онъ дрался, однако было видно, что онъ съ трудомъ сдерживалъ себя отъ общаго удовольствія. Парень нервно вздрагивалъ, рука конвульсивно сжимала палку, брови сдвинулись и глаза мрачно смотрѣли изъ-подлобья. Даже и совершенно взрослый человѣкъ не рѣшился бы подойти къ нему въ эту минуту, если хотѣлъ сберечь свои бока отъ полновѣсныхъ ударовъ, но къ

нему-то именно въ разгарѣ драки и подскочилъ одинъ долговязый мальчишка самый здоровый изъ всей толпы.

— Отдай, лѣшій, лапту! крикнулъ онъ хватаясь за лапту.

— Павлушка, прочь! проговорилъ послѣдній.

— Нѣтъ, отдай!.. А, ты не отдаешь, такъ вотъ тебѣ! и Павлушка вцѣпился ему въ волосы.

Парень сильнымъ ударомъ далеко отбросилъ его прочь; но онъ сильно разсвирѣпѣлъ, закрылъ глаза, вновь бросился на своего противника и вцѣпился въ него зубами и руками. Оба яростно завертѣлись на мѣстѣ.

— Отстань!... отвяжись!... убью!... ты не отстанешь... ну, держись!.. Глаза его злобно сверкнули, онъ размахнулся и ударилъ Павлушку палкой; ударъ пришелся прямо по виску. Несчастный застоналъ, повалился на землю, захрапѣлъ и вскорѣ отъ него остался одинъ только бездушный трупъ. Драка вмигъ прекратилась; никто не ожидалъ подобнаго исхода; испуганные ребята, какъ дождь разсыпались въ разныя стороны, не побѣжалъ только невольный убійца. Онъ минуты съ двѣ стоялъ надъ трупомъ, слегка вздрагивая членами, потомъ схватилъ его въ охапку и потащилъ въ самый дальній закоулокъ, гдѣ были сложены бревна. Тамъ онъ постарался засу-

нуть трупъ далеко между бревнами, и хотя это было сдѣлать не легко, но минутъ черезъ пять ему удалось покончить свое дѣло съ полнымъ успѣхомъ. Спрятавъ, убійца, тяжело дыша, присѣлъ на край бревна и призадумался.

— Что я надѣлалъ? бормоталъ онъ, искоса поглядывая въ ту сторону, гдѣ лежалъ убитый; теперь бѣда будетъ мнѣ, въ острогъ засадятъ... домой нельзя показаться: отецъ прибьетъ до полусмерти. Что дѣлать?... убѣгу лучше въ лѣсъ, живутъ и тамъ люди... а что я стану ѣсть? Э, да дѣлать нечего, раздумывать теперь уже поздно: лучше голодать, чѣмъ въ кандалы попасться, да батькинаго кулака отвѣдать.

Онъ всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ однако вновь остановился и стоялъ въ какой-то нерѣшительности; лицо его то блѣднѣло, то краснѣло... но вдругъ въ это время съ улицы, раздались крики.. «что такое, что сдѣлалось?»...

«Павлушку убили».. «Кто убилъ»?.. Яковъ... гдѣ онъ?... нужно отыскать, проклятаго...»

Услыша эти голоса, молодой человѣкъ задрожалъ, какъ кошка прыгнулъ къ плетню, перескочилъ черезъ него и побѣжалъ къ лѣсу; вскорѣ онъ скрылся въ чащѣ.

Молодой преступникъ былъ сынъ мелкаго чиновника, на рукахъ котораго было большое се-

мейство и самыя скудныя средства. При крещеніи дали ему имя Якова, а по отцѣ онъ носилъ фамилію Смертенскаго. Невесела и некрасива была жизнь Якова въ родительской семьѣ. Отецъ былъ горькій пьяница, человѣкъ грубый, изловчившійся во всякаго рода кляузахъ и взяткахъ; съ утра до вечера онъ пилъ водку и въ это время колотилъ все, что попадалось ему подъ руку. На дѣтей онъ не обращалъ никакого вниманія, но въ виду того, что его сынъ долженъ былъ идти по его слѣдамъ, онъ кое какъ обучилъ его грамотѣ. Отъ отца и матери Яковъ только и слышалъ ссоры, брань, жалобы и проклятія на нищенскую свою жизнь, и съ юныхъ лѣтъ въ немъ зародилась какая-то ненависть и зависть ко всѣмъ тѣмъ людямъ, которые чѣмъ-либо выдавались передъ его семьей. Съ лѣтами это раздраженіе усиливалось все больше и больше. Кромѣ того, молодой Яковъ еще съ ранняго возраста пристрастился и къ другимъ порокамъ. Ростя среди нищенской грубой, невѣжественной обстановки, гдѣ не считалось за преступленіе стащить что лежитъ плохо и гдѣ разсказы о ловкой кражѣ слушались съ удовольствіемъ, онъ въ четырнадцать лѣтъ дошелъ до такого мастерства, что между своими товарищами считался первымъ мастеромъ: лучше его никто не могъ спрятать концы въ воду и выйти, какъ говорится, сухимъ изъ воды. Въ его харак-

терѣ всегда проглядывала какая-то удаль, сильное желаніе освободиться отъ колотушекъ отца, поскитаться по свѣту, пожить на свободѣ, никого не боясь, не завися и ни кѣмъ не стѣсняясь. Неизвѣстно, какъ-бы это исполнилось, что-бы стало съ этимъ характеромъ, если-бъ не подвернулся роковой случай и не заставилъ его бѣжать въ лѣсъ, гдѣ ожидала его новая жизнь.

Когда въ городкѣ было извѣстно убійство и бѣгство виновника, то сначала всѣ переполошились и бросились на розыски, но нашли только трупъ несчастнаго, а бѣглеца не отыскали и наконецъ рѣшили: или онъ погибнетъ отъ звѣря, или сдѣлается бродягой и не замедлитъ попасться; послѣ чего всѣ успокоились и вскорѣ забыли происшествіе. Отецъ же Якова, послалъ ему проклятіе и, махнувъ рукой, проговорилъ:

— Туда и дорога щенку! хоть одинъ съ хлѣба долой!

Только одна бѣдная, забитая, мать Якова пожалѣла сына. Прямо не смѣла она высказать своего горя, только по ночамъ отдавалась своей грусти: обливала подушку горячими слезами и молила Предвѣчную Матерь помиловать и спасти преступнаго сына.

ГЛАВА II.

Жизнь въ лѣсу.—Голодъ.—Встрѣча.

Боръ, куда бѣжалъ Яковъ, былъ дикъ и мраченъ. Первобытныя сосны его были до того высоки, что самый рослый человѣвъ едва только могъ видѣть верхушку дерева, когда высоко забрасывалъ голову назадъ. Свѣтъ едва только проходилъ внизъ и слабо освѣщалъ верхушки зеленыхъ кустовъ смородины, шиповника и ольхи. Густота и темнота была страшная. Тишина дебри изрѣдка только прерывалась голосомъ сайги или однообразнымъ стукомъ дятла въ дерево.

Въ первое время, когда вступилъ въ эту глушь молодой бѣглецъ, на него не произвели никакого впечатлѣнія царствовавшія здѣсь тишина и одичалость: ибо въ первыя минуты всѣ его чувства только и были заняты тѣмъ, какъ бы скрыться и не попасться въ руки правосудія. Онъ ясно сознавалъ всю опасность своего положенія и невольно дрожалъ при одной толко мысли что можетъ быть пойманъ и лишиться свободы, которая для него была дороже жизни.

— Подальше, какъ можно дальше въ глушь,— говорилъ онъ себѣ: чтобъ никто и подумать немогъ, гдѣ я схоронюсь... убѣгу, въ руки не дамся и буду жить самъ по себѣ, теперь

не ворочусь назадъ... лучше голодать, чѣмъ сидѣть въ заперти .. И съ этими мыслями, не обращая вниманія, что иглы царапали его лицо и руки, сучки рвали одежду, онъ все дальше и глубже заходилъ въ лѣсъ. Уже къ вечеру, совершенно истомленный голодомъ и усталостью, онъ залѣзъ въ самую чащу одного кустарника и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Долго спалъ Яковъ, и когда проснулся, то солнце стояло высоко; но въ лѣсу было темно и свѣтъ едва просвѣчивалъ. Бѣглецъ потянулся и всталъ. Первое, что онъ почувствовалъ, это были сильный голодъ и жажда Яковъ оглянулся кругомъ, но кромѣ безполезныхъ для себя деревъ ничего не увидалъ.

— Да, прошепталъ онъ, славно, что въ лѣсу никого нѣтъ, а еще бы лучше, коли-бъ былъ у меня теперь хлѣбъ, али молоко.... Фу, ты Господи, какъ пить и ѣсть хочется, а гдѣ этого взять въ лѣсу?.. Впрочемъ, говорили, что здѣсь много смородины, дикихъ яблокъ, надо будетъ поискать, а тамъ, можетъ быть и на ручей какой нибудь наткнусь. Пойду, поищу....

Но долго бродилъ онъ и колесилъ взадъ и впередъ, а ничего подходящаго для себя не встрѣчалъ. Безнадежность и отчаяніе начали овладѣвать несчастнымъ. Томленіе голода и жажды усиливалось все больше и тяжелѣе мучило его. Печаль и бѣшенство поперемѣнно

начали овладѣвать имъ: то онъ рвалъ на себѣ волосы, то въ безсильной злобѣ ломалъ попадавшіяся подъ руку палки и сучки, то горько и горько начиналъ плакать и раскаявался, что убѣжалъ. Въ безсиліи упалъ наконецъ онъ на землю и началъ съ жадностью срывать зеленыя листья, таскать мохъ и глотать его. Это хотя нѣсколько разъ уменьшило его голодъ, но за то произвело сильную боль въ желудкѣ, и онъ въ безпамятствѣ валялся по землѣ. Такъ прошла для него вторая ночь. По утру, проснувшись онд чувствовалъ внутри сильную боль, жгучій жаръ и страшную сухость во рту. Мутными и почти безсознательными глазами обвелъ онъ вокругъ себя и вдругъ радостно вскрикнулъ: сквозь кусты ему показалась вода . Онъ собралъ свои силы и поползъ туда. Протащившись шаговъ пятьдесять онъ достигъ небольшой ямы откуда торчалъ громадный корень повалившейся сосны, изъ подъ котораго билъ ключъ. Около сгнившаго ствола тянулся высокій малинникъ а немного далѣе — кусты смородины. Тамъ и здѣсь ягодъ было вдоволь. При видѣ ихъ Яковъ оживился; кровь съ силой забилась въ немъ, сперва онъ съ жадностью прильнулъ губами къ свѣжей водѣ, а потомъ набросился на ягоды. То и другое подкрѣпило его силы; бѣглецъ все позабылъ; жизнь —полная надеждъ снова вспыхнула въ немъ и онъ со слезами

радости сталъ молиться, что такъ чудесно избавился отъ голодной смерти. Замѣтивъ мѣсто, Яковъ рѣшился на время поселиться здѣсь и не отдаляться далеко отъ него, а для того, чтобы не сбиться, откуда бы ни шелъ — старался всегда дѣлать замѣтки, срывая кору или дѣлая надрѣзы на деревьяхъ небольшимъ ножемъ который случайно остался у него въ карманѣ. Прошло дня три такой жизни и — хотя ягодъ и воды было въ изобиліи,—но они были недостаточны и Яковъ чувствовалъ необходимость въ болѣе питательной пищѣ. Онъ рѣшился нѣсколько отдалиться отъ своего убѣжища и попробовалъ поискать выхода на какую нибудь проѣзжую дорогу, гдѣ могъ прокормить себя милостыней. Запасшись достаточно ягодами отправился въ путь и черезъ нѣсколько часовъ ходьбы вышелъ на большую поляну, среди которой шла проселочная дорога. Странное зрѣлище увидалъ онъ для себя. Около самой опушки, далеко въ сторонѣ отъ дороги, стояла толпа людей и пѣла похоронную пѣснь. Это заинтересовало бродягу и онъ, крадясь, тихо подошелъ къ нимъ поближе. Вся толпа состояла изъ слѣпцовъ стариковъ, у всѣхъ были котомки за плечами, въ рукахъ палки и головы обнажены; изъ себя они составляли кругъ среди котораго виднѣлась свѣжая, только что засыпанная могила. Это были слѣпцы-нищіе

Когда кончилось пѣніе, Яковъ подошелъ къ нимъ и спросилъ:

— Дядюшки, что вы тутъ дѣлали?

Нищіе отъ неожиданности вздрогнули. Одинъ изъ нихъ, самый высокій, повернулъ къ нему голову и парню показалось что онъ не совсѣмъ былъ слѣпъ ибо мнимый слѣпецъ пристально и внимательно оглядывалъ его съ головы до ногъ.

— А ты зачѣмъ здѣсь? спросилъ нищій, не отвѣчая на вопросъ бѣглеца.

— Да я такъ...

— То есть какъ, парень?

— Бѣжалъ....

— А, въ бѣгахъ?.... Ну ка, парень, подойди поближе, мы потолкуемъ съ тобой.

Онъ подошелъ. Слѣпцы окружили его. Это не очень-то понравилось Якову. Онъ недовѣрчиво оглядѣлся кругомъ и глазами искалъ по слабѣе какого нибудь нищаго, чтобы, въ случаѣ крайней для себя опасности броситься въ его сторону, сбить съ ногъ и бѣжать въ лѣсъ. Нищіе слѣпые начали между собою перешептываться, высокій изъ нихъ вскорѣ вновь обратился къ нему съ вопросомъ:

— Давно-ли убѣгъ?

— Порядочно; болѣе четырехъ сутокъ невидалъ хлѣба, отощалъ больно, ѣсть хочется... дайте Христа-ради.

Слѣпой досталъ изъ сумы кусокъ пирога

и подалъ ему. Онъ съ жадностью началъ его ѣсть и вмѣстѣ съ тѣмъ на душѣ у него стало какъ-то спокойнѣе. Нищій продолжалъ:

— А зачѣмъ убѣгъ?

— На волю захотѣлось.

— А не хочешь-ли пристать къ намъ? неожиданно спросилъ нищій.

— Что же я у васъ дѣлать стану?

— Водить насъ будешь. Слушай: былъ у насъ вожакъ, да вотъ нынче Богу душу отдалъ: мы его тутъ и хоронили; теперь мы стали самые, значитъ, несчастные люди: не знаемъ, какъ и на дорогу выбрести; иди жить къ намъ. У насъ хорошо и привольно: всего въ волю, сытъ, обутъ и деньги есть. Вотъ теперича пойдемъ мы по заводамъ, житье такое что и умирать не надо: окормятъ пирогами, виномъ опоятъ. А—Господь дастъ—пройдемъ зимой на Ирбитскую ярмарку, тогда деньги хоть лопатой загребай. И слушай, парень, дадимъ тогда тебѣ золота, а съ нимъ ты воленъ будешь жить гдѣ захочешь: дѣлать—что вздумаешь... Ну, согласенъ идти къ намъ?

Бѣглецу нравилось предложеніе: да притомъ въ его положеніи не оставалось ничего лучшаго а, главное, испытанный имъ уже голодъ сильно располагалъ его въ пользу слѣпыхъ.

Нищій продолжалъ дальше:

— И вотъ почему тебѣ, парень, еще нужно къ намъ пристать: первое--ты въ бѣгахъ, значитъ

безъ паспорта, и какъ ты не хоронись а придется тебѣ попасться: безъ билета немного находишь; ну и засадятъ тебя въ острогъ, пошлютъ по этапу и опять ты будешь въ неволѣ. Но коли ты пойдешь къ намъ, такъ мы и видомъ тебя снабдимъ, смастеримъ какой хочешь.

Эти слова окончательно убѣдили Якова: онъ принялъ предложеніе. Нищіе общимъ совѣтомъ положили ему жалованья рубль въ недѣлю и одинъ изъ нихъ спросилъ:

— Какъ звать тебя?

— Яковомъ.

— Ну, теперь ты будешь не Яковъ, а Василій Васильевъ; мы тебѣ отдадимъ на руки паспортъ бывшаго у насъ паренька:. оно хоть въ лѣтахъ маленько будетъ разница, ну да и это обдѣлаемъ: а теперь, нищая братія, въ путь-дорогу и такъ тутъ промѣшкались, кромѣ кабака, пожалуй, никуда не попадемъ. Эй, Вася, становись, выводи на дорогу.

Всѣ встали, ухватились другъ за друга, вожакъ взялся за палку передоваго нищаго и пошелъ впередъ. Слѣпцы потянулись за нимъ.

ГЛАВА III.

Нищая братія. — Староста Сысой. — Сборъ.—Новое бѣгство.

Въ то время по трактовымъ дорогамъ Пер-

ми, на заводахъ и ярмаркахъ, въ селахъ и городахъ можно было встрѣчать большими партіями бродившихъ слѣпыхъ нищихъ. Они составляли между собой правильно организованныя артели, выбирали артельнаго старосту, который завѣдывалъ общими дѣлами, входилъ въ соглашенія съ другими партіями относительно откупа и распредѣленія мѣстъ, когда на какую нибудь ярмарку собирались разныя артели, и слѣдилъ за правильнымъ раздѣломъ общаго сбора. На первый разъ это могло показаться довольно страннымъ, чтобы слѣпецъ могъ вѣрно распредѣлить на всѣхъ общій доходъ, но въ томъ-то и дѣло, что между слѣпой братіей находились и зрячіе которые только для виду притворялись убогими. Слѣпая артель, куда попалъ Яковъ, именно и имѣла у себя полузрячаго старосту, по прозванію длинный Сысой, того самаго, который пригласилъ молодаго человѣка въ вожаки.

Этотъ старецъ былъ большой руки негодяй, потаскавшійся въ свое время по различнымъ острогамъ и этапамъ. Онъ былъ въ душѣ бродяга, привыкшій ко всякаго рода преступленіямъ и обманамъ, считавшій все своимъ, что лежало плохо. Какъ другіе, такъ и эта партія состояла изъ разнаго рода праздношатающагося люда, по большей части наглыхъ плутовъ и бродягъ. Рѣдко проходилъ случай, чтобы послѣ прохода такой нищей братіи въ селѣ или

въ городѣ не случалось довольно крупной кражи; но, по странному обычаю, хотя и не дружелюбно въ селеніяхъ смотрѣли на появленіе нищихъ, опасаясь ихъ, однако вездѣ имъ подавали щедрую милостыню; видѣли въ нихъ несчастныхъ людей и считали за большой грѣхъ выгнать ихъ. Крестьянскія общества были убѣждены, что между слѣпыми много дурныхъ людей; однако многіе семьи охотно отдавали имъ своихъ дѣтей въ вожаки или давали ихъ на время, а нищіе выдавали ихъ за собственныхъ съ цѣлью еще болѣе увеличить къ себѣ состраданіе. Зачастую нищая братія и просто воровала по деревнямъ маленькихъ ребятъ. Плохое житье приходилось этимъ несчастнымъ у старцевъ: зуботычинъ, потасовокъ доставалось имъ вдоволь, многіе такъ и зачахли отъ жестокаго обращенія, дурной пищи и простуды, а всѣ вообще гибли нравственно, привыкнувъ къ бродяжничеству, воровству, пьянству и другимъ порокамъ.

Первое— что пришлось услыхать вожаку отъ старца Сысоя, когда онъ ихъ сталъ подводить къ одной деревнѣ, было слѣдующее наставленіе:

— Слушай, парень, говорилъ онъ: взойдемъ въ село, будемъ пѣть: на насъ заглазѣютъ, а ты не плошай, по сторонамъ посматривай: не виситъ-ли что плохо, не лежитъ-ли что зря, замѣтишь—ну и тяни, толкни меня, а я ужъ найду куда схоронить. Намъ, страннымъ лю-

дямъ, взять не откуда, запасъ самимъ нужно дѣлать, на милостынкѣ не далеко уѣдешь.

— Ну, а если живность какую придется увидать; напримѣръ: курицу, али гуська...

— Шею сверни, чтобъ не кричала подъ полу да. и въ суму,.. только съумѣешь ли ты это обработать?

— Не промахнусь бывальщина! съ самодовольной гордостью отвѣчалъ онъ.

Войдя въ деревню, старцы начинали подходить къ окнамъ и пѣть Лазаря. При звукахъ ихъ голосовъ люди выходили на улицу, выносили милостыню и съ умиленіемъ слушали, ихъ духовные стихи. Во все это время вожакъ не зѣвалъ, часто заглядывалъ во дворы и плодомъ этого любопытства, подъ полами его кафтана, когда старцы вышли за околицу оказались три задушенныя курицы и одна пара мужицкихъ рубахъ. Староста Сысоі при видѣ этого, пришелъ въ восторгъ и чуть было не расцѣловалъ вожака.

— Добре, добре, сынъ мой! говорилъ онъ, упрятывая курицъ въ суму: будетъ прокъ, далеко пойдешь; пожалуй и за Байкаломъ побываешь, отвѣдаешь и темной каторги.

Къ вечеру они остановились около кабака, какъ это было въ обыкновеніи у нихъ. Тамъ старцевъ приняли съ радостью потому что съ приходомъ ихъ всегда барышливая торговля. Ихъ провели въ отдѣльную коморку.

— А ну-ка,страннаябратія,—заговорилъ Сысой, снимая котомку – развяжите-ка ваши сумочки, выкладайте-ка на столъ сиротскія наши закусочки, да сообща покупайте хлѣбной водицы, промочить наши горлышки, подкрѣпить наши силушки... измаялись, истомились наши ноженьки, нѣту силушки у насъ, несчастныхъ слѣпцовъ.... Гей, хозяинъ, готовь водки, да больше, нужно еще спрыснуть и новаго товарища —молодца.

Хозяинъ поспѣшилъ исполнить приказаніе. Старцы сдѣлали складчину, велѣли изжарить курицъ и вскорѣ у нихъ начался пиръ. Куда дѣвалась ихъ и старость и убожество: всѣ сдѣлались удальцами и весельчаками. Появилась балалайка, раздалась разгульная пѣсня. Длинный Сысой вдругъ прозрѣлъ, вскочилъ съ лавки и съ гикомъ понесся по комнатѣ. Начался отчаянный трепакъ. Къ полночи уже всѣ перепились и обезсиленные повалились, кто какъ могъ, на полъ. По утру вновь опохмѣлились и поплелись съ вожакомъ сбирать святую милостыню. Такъ пошла жизнь Якова среди этого сброда. Онъ привыкалъ къ ней и опускался все ниже и ниже въ грязь. Она засасывала его страхъ, и мало по малу заглушала въ немъ слабые проблески человѣческаго достоинства, Чрезъ нѣсколько недѣль пришлось ему увидать и другія продѣлки старцевъ на ярмаркахъ. Въ городахъ, куда собирались

различныхъ артелей старцы, самая богатая— первая, откупала мѣста, занимала самую выгодную площадь, а остальныя сдавала отъ себя и однимъ дозволяла дѣлать сборъ за вечерней, другимъ за утреней или обѣдней, смотря по количеств откупной суммы. Въ деревняхъ въ базарные дни обыкновенно располагалась какая нибудь артель.

Однажды выйдя съ ночлега, старецъ Сысой велѣлъ вожаку повернуть въ лѣсъ, который находился верстахъ въ четырехъ отъ одного села, гдѣ была ярмарка. Взойдя въ опушку, слѣпцы начали приготовляться къ предстоящему сбору съ простыхъ людей: кто началъ подвязывать себѣ руку, кто разбереживалъ свои раны, кто поддѣлывалъ себѣ деревяшку и превращался въ безногаго, а Сысой, завернувъ вѣки, началъ водить иглой по нимъ и вскорѣ представилъ изъ себя настоящаго слѣпца. Когда была окончена отвратительная операція, бродяги выбрались на дорогу взошли въ село и около церкви расположились въ длинный рядъ съ чашками впереди, и начали сбирать на несчастныхъ убогихъ слѣпцовъ. Сысой усѣлся въ тѣни и представлялъ такой жалкій видъ, что никому и въ голову не приходило подозрѣвать въ немъ обманщика. Жалобно пѣли и причитали они; глядя на нихъ простой людъ видѣлъ въ нихъ несчастныхъ

и спѣшилъ положить имъ трудовую свою копѣйку, приговаривая:

— Помолись за Анну, Василья и ихъ сродниковъ, хворенькій, слѣпенькій человѣкъ.

Только одному вожаку казалось все это смѣшнымъ и онъ думалъ:

— Такъ вотъ какіе вы, братцы? Вы ли это, милые мои, что вчера отплясывали въ кабакѣ?... а ты, нашъ длинный Сысой Савельичъ! всѣхъ-то ты чиннѣе, всѣхъ-то святѣе сидишь, жалостливѣе причитаешь!

Смѣхъ сильно разобралъ его; онъ не выдержалъ - и расхохотался. Но въ тоже мгновеніе почувствовалъ сильный ударъ себѣ въ бокъ отъ слѣпца, около котораго сидѣлъ, а съ другой стороны ему злобно прошепталъ Сысой:

— Еще разъ только пикни!... голову сверну... задушу, какъ собаку.

Вожакъ струсилъ и старался уже удержать свою веселость. Къ вечеру вся братія поднялась съ мѣстъ и потянулись изъ села, прямо въ лѣсъ. Тамъ они выбрали небольшую полянку, сбросили съ себя свой дневной нарядъ, собрались въ кружокъ и начали дѣлить дуванъ или сборъ. Всего оказалось около двадцати рублей. Сысой сосчиталъ деньги. Правило было такое: кто на базарѣ всѣхъ лучше причиталъ, кто зналъ больше стиховъ, тотъ получалъ и большую долю.

— Братія, началъ серьозно староста: я нын-

че больше всѣхъ пѣлъ, мой голосъ покрывалъ ваши глотки, значитъ я потрудился больше, у меня отъ крика инда и глотка осипла, слѣдовательно, по Божьему, мнѣ и часть должна идти соотвѣтственная.

Между нищими пробѣжалъ ропотъ: одинъ изъ нихъ самый маленькій, худенькій, загорячился, нервно вскочилъ съ мѣста и быстро заговорилъ:

—Врешь, длинновязый! мнѣ слѣдуетъ больше: хоть у меня и тихъ голосъ, да за то около меня больше всѣхъ васъ останавливалось народу и глядѣло мои раны... ты думаешь, что мнѣ легко-ли растравливать ногу?

Староста презрительно взглянулъ на него и отвѣчалъ:

— Отваливай прочь, а тебѣ всѣхъ меньше... ты только и знаешь одинъ стихъ...

— А нынче съ кѣмъ больше всѣхъ купчиха говорила?

— Ну, ты получай съ нее...

Нищій озлился и протянулъ было руки къ чашкѣ, гдѣ лежали деньги, но Сысой сильно ударилъ его въ грудь, и тотъ отлетѣлъ далеко въ сторону. Поднялися шумъ и брань. Долго всѣ кричали и ругались, но наконецъ, когда староста прямо объявилъ имъ, что просто-на-просто заберетъ всѣ деньги и броситъ ихъ, слѣпцы испугались угрозы, успокоились и дѣлежъ сдѣлался такъ, какъ хотѣлъ Сысой.

Его вообще всѣ боялись и опасались мести и силы рослаго мошенника. Вожаку въ этотъ разъ не досталось ничего, и артель набросилась на него за смѣхъ на базарѣ. Сысой даже ударилъ его за это. Онъ разсердился и постращалъ, что убѣжитъ. Тогда староста, не обращая вниманія на его сопротивленіе, схватилъ за волосы и потащивъ къ толпѣ, велѣлъ его таскать и бить. Затѣмъ внушительно проговорилъ:

— А ты, щенокъ, впередъ не моги этимъ стращать насъ. Убѣжишь, себѣ хуже надѣлаешь: мы, сообща, не пожалѣемъ ничего: приду я въ станъ, заплачу, сколько надо, тебя—безпаспортнаго поймаютъ, выдерутъ какъ Сидорову козу, да и запрячутъ, куда Макаръ телятъ не загонялъ.

Это смирило вожака и онъ изъ страха остался съ ними. Далеко уже вечеромъ вся эта компонія дошла до кабака и здѣсь размѣняла собранныя деньги на вино.

Много навидѣлся разныхъ отвратительныхъ вещей Яковъ въ теченіе двухъ лѣтъ, которыя онъ провелъ съ ними; исходилъ онъ всю губернію вдоль и поперегъ, ознакомился съ лѣсной, бродяжной жизнью; выучился, какъ составить и добыть фальшивый видъ, какъ обкорочить жалостливымъ видомъ, скорбной рѣчью простяка и стянуть у него изъ подъ носа. Но въ то же время эта жизнь страшно опро-

тивила ему, надоѣло ему слушать злобную брань стариковъ, находиться подъ ихъ началомъ, служить имъ и клянчить съ ними подъ окнами. Злость брала и за то, что старцы безсовѣстно одѣляли его, плохо платили и постоянно грозили ему. Надоѣло все это—хуже горькой рѣдьки.

— Что это за жизнь? разсуждалъ онъ: ходи, клянчи, води, угождай имъ, а себѣ никакой и прибыли не видишь. Они стращаютъ меня, проклятые, такъ покажу имъ, что и безъ ихъ помощи проживу. Уйду, буду самъ большой и другихъ заставлю бояться себя; съумѣю достать хлѣбъ и копѣйку... А чтобъ показать этимъ дуракамъ, что я ихъ не боюсь, съ ними сыграю штуку; за все отплачу и посмѣюсь.

Наконецъ онъ рѣшился бѣжать. Это былъ іюль мѣсяцъ, когда старцы, переночевавъ въ кабакѣ, принарядившись, отправились на Ильинскій праздникъ въ одно селеніе П-го уѣзда. Вожакъ хорошо зналъ эту мѣстность и повелъ ихъ совсѣмъ другой дорогой. По дорогѣ онъ нетерпѣливо поглядывалъ въ сторону, какъ бы ища чего-то глазами. Вскорѣ, въ сторонѣ, показался глубокій оврагъ, на окраинѣ котораго росли густые кусты крапивы. Берегъ опускался обрывомъ. Вожакъ повернулъ туда. Шаговъ за десять до него онъ крикнулъ старцамъ.

— Вода, въ бродъ идти.

Они остановились и начали разуваться. Сы-

сой не могъ замѣтить обмана, потому, что страдалъ глазами и не могъ выносить солнечнаго свѣта. Когда всѣ приготовились, Яковъ повелъ ихъ и смѣло взошелъ въ крапиву, за нимъ взошли и старцы; но, почувствовавъ боль и, смекнувъ, что вожакъ ихъ обманываетъ, они разозлились и яростно бросились на него. Плутъ выпустилъ палку и смѣясь и дразня старцевъ, бѣгалъ въ крапивѣ. Ослѣпленные бѣшенствомъ, они гонялись за нимъ, не обращая вниманія на обжоги. Наконецъ онъ сталъ на самый край обрыва и крикнулъ:

— Эй вы, лѣшіе, дядя Сысой, подходи сюда! будетъ, набѣгались... и въ то время, какъ Сысой подбѣжалъ къ нему, онъ схватилъ его за воротъ и сбросилъ внизъ. За нимъ точно и такимъ же манеромъ послѣдовали и остальные старцы. Внизу раздавались стоны и проклятія. Злобно засмѣялся вожакъ, глядя на свою злодѣйскую продѣлку и свѣсясь, крикнулъ.

— Слѣпенькіе старцы, кричите свои стихи, обдувайте дураковъ.., вотъ вамъ, проклятые, мое прощеніе! вотъ вамъ за все, какъ вы надували меня... сидите тутъ до втораго пришествія!

Онъ всталъ и пошелъ прочь, но вслѣдъ ему донесся яростный крикъ Сысоя:

— Будь проклятъ, варнакъ! Приведется встрѣтиться, не уйдешь живой... но...

Но послѣднихъ словъ вожакъ уже не могъ слышать онъ скрылся въ противоположныхъ кустахъ.

ГЛАВА IV.

Бродяга Каурый. — Грабежъ. — Пытка. — Новичекъ.

Въ описываемое время въ Шен—комъ уѣздѣ было неспокойно. По селеніямъ пронесся тревожный слухъ о появленіи съ лѣсахъ атамана Каураго. Это былѣ старый бродяга и во второй разъ бѣжавшій съ каторги. Обыкновенно эти бродяги, вырвавшись изъ мѣстъ заключенія, старались какъ можно дальше бѣжать отъ ссылокъ и тольке самые отчаянные рѣшались ходить вблизи Первое появленіе его здѣсь ознаменовалось кровью, затѣмъ, соединившись съ пятью бродягами, онъ началъ грабить но дорогамъ. Крестьяне спали неспокойно; мѣстныя власти начали дѣйствовать и конные разъѣзды разсылались по разнымъ мѣстамъ. Дѣлались лѣсныя облавы, но въ теченіе шести недѣль немогли открыть настоящаго убѣжища разбойника. Онъ ловко скрывалъ свои слѣды и въ то время, когда его искали въ одномъ мѣстѣ, Каурый появлялся въ другомъ. Отбившись отъ старцевь, Яковъ Смертенскій рѣ.

шился одинъ скитаться и ходить окольными путями, добывая себѣ хлѣбъ. Воротиться къ прежней жизни онъ уже не могъ, дорога туда была для него закрыта и хотя иногда въ головѣ пробѣгала мысль о честномъ трудѣ, спокойной жизни, но она появлялась только на мгновеніе, быстро исчезала, а въ замѣнъ ея его умъ манила бродяжная жизнь, даровой хлѣбъ, дикая свобода и безобразный разгулъ. Возвратъ къ честной жизни могъ для него совершиться только при самой разумной выправкѣ, а не при такой, какая окружала эту жалкую личность.

Нѣсколько дней ходилъ Смертенскій одинъ по лѣсамъ или заходилъ въ деревни и просилъ милостыню. Разъ, около полудня, онъ у одной деревушки встрѣтилъ бабу, у которой рѣшился попросить хлѣба. Но зная, что въ деревняхъ крестьяне, обезпокоенные тревожными слухами, подозрительно смотрятъ на всякаго прохожаго онъ и придумывалъ: съ чего бы начать разговоръ съ ней и избѣгнуть ея подозрительности. Въ это время онъ поровнялся съ крестьянкой и первоначально спросилъ:

— Тетенька, не видала ли ты коня?

— Коня? нѣтъ, молодецъ, не видала, отвѣчала баба, оглядывала его и не найдя въ немъ ничего особеннаго, продолжала: такъ и у тебя пропалъ конь! А какой?

— Саврасый...

— Ишь ты!.. Нѣтъ, такого не видала, нечего грѣшить... Охъ ты родненькой мой, не ты ужъ первый ищешь здѣсь, почесть дня не проходитъ, чтобы не приходили и не спрашивали здѣсь... развелось это тапереча, воровства много въ нашихъ мѣстахъ, — очень опасливо жить стало... а ты отколь?

— Шмеловскій, верстъ за сорокъ отсюда. Знаешь, чай...

— Слыхала, слыхала!

— Умучился больно; день-денской все на ногахъ...

— Ахъ ты, голубчикъ мой!—и баба сострадательно взглянула на него.

— Маковой росинки во рту не было.

— А ай!...

— Просто такъ вотъ животъ и подводитъ, кажись; такъ вотъ и повалюсь.

— Что ты, Христосъ съ тобой! да подь, голубчикъ, въ избу ко мнѣ, поѣшь, чѣмъ Богъ послалъ, отдохни... оно хотя и наказывалъ хозяинъ не пущать зряшцаго человѣка безъ него, да ты-то, кажись добрый человѣкъ, подь, подь со мной, родимый...

Смертенскій обрадовался и охотно пошелъ за крестьянкой. Идя по деревнѣ, онъ замѣтилъ, что въ ней не было мужчинъ. Это онъ принялъ къ свѣдѣнію и въ его головѣ мелькнула веселая мысль. Они взошли въ избу; хозяйка усадила его за столъ и принялась дос-

тавать щи и кашу изъ печки. Смертенскій оглядѣлся: изба была хорошая, все показывало, что тутъ живетъ зажиточный хозяинъ. Смертенскій вздохнулъ и подумалъ;

— Должно быть деньги есть... не попробовать ли?.. А что, тетенька, сказалъ онъ въ слухъ: гдѣ же хозяинъ?

— Да ушелъ съ другими мужиками..

— Куда?

— Рази ты нечего не слыхалъ?

— Ничего..

— Да здѣсь проявился Каурый, грабитель; то намеднись на тракту ограбилъ трехъ купцовъ, а позавчерась, въ Котлахъ, задушилъ мужика—страсть, да и только!.. ну и прознало начальство, что онъ, воръ, ушелъ въ волчій боръ, отсюда верстъ за пятнадцать буде, такъ вотъ и собрало со всѣхъ деревень мужиковъ и облаву дѣлать тамъ, и словить хотятъ звѣря.

— А, а! промычалъ бродяга, принимаясь за кашу.

— Что, тетенька, неужто ты одна?

— Одна, родимый, одна. Въ это время она взяла пустую чашку со стола и обернулась къ нему спиной. Смертенскій схватилъ свой кушакъ и быстро сдѣлалъ петлю, Крестьянка обернулась и спросила:

— Не хочешь ли еще кашки, родимый?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, незамѣтно спрятавъ

петлю подъ столъ. Хозяйка вновь обернулась къ нему спиной и ту минуту, когда она хотѣла закрыть печку, Смертенскій мгновенно бросился на нее и закинулъ петлю на шею. Несчастная, какъ снопъ, повалилась на полъ. Злодѣй въ одну секунду заперъ дверь, и потомъ, опустивъ петлю, придавивъ ногой несчастную потребовалъ денегъ. Обезумѣвши отъ страха, она чуть слышно проговорила:

— Родимый, помилуй...

— Гдѣ деньги? говори скорѣе!

— Нѣту, денегъ нѣтъ..

Ни слова не говоря онъ сорвалъ съ головы бабы платокъ, забилъ его въ ротъ, вмигъ связалъ по рукамъ и ногамъ и бросился къ сундуку. Разломавъ его, онъ взялъ деньги, не считая сунулъ за пазуху, схватилъ попавшійся на глаза топоръ и, ткнувъ на прощанье бабу ногой, поспѣшно вышелъ изъ избы. Выйдя изъ деревни, грабитель поспѣшно побѣжалъ полемъ къ лѣсу. Взойдя въ опушку, онъ остановился и сосчиталъ добычу, оказалось рублей на пятьдесятъ серебряной монеты.

— Га! прошепталъ Смертенскій: начало не дурно. Это не съ нищими ходить. Онъ всталъ и пошелъ дальше; дойдя до одного небольшаго овражка, онъ въ частыхъ кустахъ примѣтилъ привязанную лошадь. Это его удивило. Тихо подкравшись къ ней Смертенскій внимательно осмотрѣлся, и привычный его глазъ

открылъ слѣды людей въ этомъ мѣстѣ. Онъ уже до того освоился съ лѣсной жизнью, что сломанная нечаянно вѣтка, помятый кустъ, слабый оттискъ ноги на землѣ служили ему вѣрнымъ признакомъ для открытія человѣка. Въ развитіи чуткости слуха онъ могъ поспорить съ любымъ дикаремъ-киргизомъ. И странно: по мѣрѣ того, какъ его нравственныя чувства тупѣли, внѣшнія быстро развивались. Нагнувшись къ землѣ, онъ долго разсматривалъ землю, потомъ прислушался и словно змѣя поползъ на животѣ, безъ малѣйшаго шума раздвигая кусты. Но прежде всего онъ постарался спрятать деньги въ подкладку своего полукафтана. Проползши по краю оврага шаговъ съ пятьдесятъ, онъ сквозь кусты, на самомъ днѣ его, увидалъ семерыхъ человѣкъ. Всѣ были одѣты въ рваные кафтаны, за исключеніемъ одного, который по одеждѣ и ухваткамъ походилъ на зажиточнаго крестьянина. Они сидѣли вокругъ небольшаго котелка, въ которомъ что-то варилось и дымъ, отъ горѣвшаго хвороста, едва только доходилъ до краевъ оврага. Среди людей стояла четверть вина, лежало нѣсколько пшеничныхъ булокъ, соленая рыба и яйца. Одинъ изъ нихъ рѣзалъ ножемъ заднюю ногу баранины и большими кусками кидалъ въ котелъ. Большая овчарка вертѣлась около человѣка, стряпавшаго ку-

петлю подъ столъ. Хозяйка вновь обернулась къ нему спиной и ту минуту, когда она хотѣла закрыть печку, Смертенскій мгновенно бросился на нее и закинулъ петлю на шею. Несчастная, какъ снопъ, повалилась на полъ. Злодѣй въ одну секунду заперъ дверь, и потомъ, опустивъ петлю, придавивъ ногой несчастную потребовалъ денегъ. Обезумѣвши отъ страха, она чуть слышно проговорила:

— Родимый, помилуй...

— Гдѣ деньги? говори скорѣе!

— Нѣту, денегъ нѣтъ...

Ни слова не говоря онъ сорвалъ съ головы бабы платокъ, забилъ его въ ротъ, вмигъ связалъ по рукамъ и ногамъ и бросился къ сундуку. Разломавъ его, онъ взялъ деньги, не считая сунулъ за пазуху, схватилъ попавшійся на глаза топоръ и, ткнувъ на прощанье бабу ногой, поспѣшно вышелъ изъ избы. Выйдя изъ деревни, грабитель поспѣшно побѣжалъ полемъ къ лѣсу. Взойдя въ опушку, онъ остановился и сосчиталъ добычу, оказалось рублей на пятьдесятъ серебряной монеты.

— Га! прошепталъ Смертенскій: начало не дурно. Это не съ нищими ходить. Онъ всталъ и пошелъ дальше; дойдя до одного небольшаго овражка, онъ въ частыхъ кустахъ примѣтилъ привязанную лошадь. Это его удивило. Тихо подкравшись къ ней Смертенскій внимательно осмотрѣлся, и привычный его глазъ

открылъ слѣды людей въ этомъ мѣстѣ. Онъ уже до того освоился съ лѣсной жизнью, что сломанная нечаянно вѣтка, помятый кустъ, слабый оттискъ ноги на землѣ служили ему вѣрнымъ признакомъ для открытія человѣка. Въ развитіи чуткости слуха онъ могъ поспорить съ любымъ дикаремъ-киргизомъ. И странно: по мѣрѣ того, какъ его нравственныя чувства тупѣли, внѣшнія быстро развивались. Нагнувшись къ землѣ, онъ долго разсматривалъ землю, потомъ прислушался и словно змѣя поползъ на животѣ, безъ малѣйшаго шума раздвигая кусты. Но прежде всего онъ постарался спрятать деньги въ подкладку своего полукафтана. Проползши по краю оврага шаговъ съ пятьдесятъ, онъ сквозь кусты, на самомъ днѣ его, увидалъ семерыхъ человѣкъ. Всѣ были одѣты въ рваные кафтаны, за исключеніемъ одного, который по одеждѣ и ухваткамъ походилъ на зажиточнаго крестьянина. Они сидѣли вокругъ небольшаго котелка, въ которомъ что-то варилось и дымъ, отъ горѣвшаго хвороста, едва только доходилъ до краевъ оврага. Среди людей стояла четверть вина, лежало нѣсколько пшеничныхъ булокъ, соленая рыба и яйца. Одинъ изъ нихъ рѣзалъ ножемъ заднюю ногу баранины и большими кусками кидалъ въ котелъ. Большая овчарка вертѣлась около человѣка, стряпавшаго ку-

шанье. Неизвѣстные люди повидимому, что-то говорили между собой но по отдаленности голоса ихъ были не слышны. Смертенскаго разобрало сильное любопытство покороче узнать этихъ людей. Онъ началъ спускаться въ оврагъ и шагахъ въ двадцати отъ пирующихъ пріятелей притаился въ густомъ кустѣ можжевельника. Никто не замѣтилъ присутствія посторонняго человѣка, даже и чуткая собака, сидѣвшая къ нему задомъ и нюхавшая воздухъ, за вѣтромъ не чуяла его. До слуха Смертенскаго донесся отрывочный разговоръ неизвѣстныхъ. Тотъ, который походилъ на крестьянина, говорилъ:

— Ну—и вотъ, какъ я сдѣлаю: ночью приведу лошадей вамъ, а вы дожидайтесь меня на Ростаньи, въ оврагѣ... Около деревни есть лѣсокъ, тамъ и оставьте вы коней, а задами пробирайтесь къ банѣ, въ эту пору никто туда не заглядываетъ. Ночь пробудете тамъ, мужики уйдутъ въ поле, останутся однѣ бабы..

— А богатъ онъ? спросилъ крестьянина невысокаго роста, рябоватый мужчина, съ непріятнымъ и звѣрскимъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Я говорю, что на всемъ селѣ первый богачъ .. да вотъ что, Каурый, пойду я на заводъ: говори, что надо вамъ?

— Первое - привези ты ружье, ну, извѣстно водки, хлѣба...

— Ладно.

— Вотъ тебѣ и деньги на расходъ и на хлопоты.

Каурый, это онъ былъ съ своей шайкой, досталъ нѣсколько ассигнацій и подалъ крестьянину. Они принялись ѣсть и пить. За виномъ вскорѣ всѣ развеселились. Каурый, поднося рюмку ко рту, смѣясь проговорилъ:

— Любо мнѣ, братцы, на самого себя: такого молодца съ огнемъ не сыщешь. Вотъ теперь ловитъ меня въ Волчьемъ какой-нибудь большой человѣкъ: всѣмъ-то я страшенъ, всѣ-то заботятся обо мнѣ .. Ну, за здоровье всей честной компаніи...

Онъ выпилъ стаканъ, который и обошелъ всѣхъ. Въ это время одинъ изъ бродягъ оглодавъ кость бросилъ собакѣ. Къ несчастію Смертенскаго кость пролетѣла надъ головой животнаго и упала довольно близко отъ куста, гдѣ притаился онъ. Собака — было бросившись за ней — вдругъ почуяла посторонняго, ощетинилась и зарычала. Бродяги переглянулись. Каурый быстро пошелъ къ собакѣ. Смертенскія увидалъ опасность своего положенія. Если бы не было собаки еще можно было бы убѣжать, но при ней это было невозможно. Онъ не зналъ на что рѣшиться.

— Волчекъ, бери! крикнулъ Каурый. Собака бросилась въ кустъ, но въ то-же мгновеніе съ страшнымъ визгомъ отскочила назадъ и повалилась на землю: вся ея морда была раз-

сѣчена. Тотчасъ же изъ куста выскочила фигура и быстро побѣжала на верхъ оврага.

— Лови... шпіонъ... лови! закричалъ неистово Каурый, бросаясь впередъ. Остальные бродяги, кромѣ крестьянина, пустились тоже въ погоню. Смертенскій, не смотря на препятств я, быстро уходилъ и бѣжалъ къ лошади на которой и думалъ спастись. Но онъ того не предвидѣлъ, что одинъ изъ преслѣдователей тоже бросился къ лошади, только по прямой линіи, самой кратчайшей, а не по кривой которую пришлось пробѣжать бѣглецу. Бродяга опередилъ его на двѣ минуты. Его не замѣтилъ Смертенскій и когда подбѣжалъ къ коню и началъ отвязыватъ, то вдругъ почувствовалъ, что сзади его крѣпко схватили. Бѣглецъ сдѣлалъ неимовѣрное усиліе и освободилъ одну изъ рукъ, потомъ удалось ему за голову ухватить врага и пригнуть къ землѣ. Послѣдній хотя и задыхался отъ душившей его руки, но продолжалъ удерживать и тѣмъ далъ время напасть на бѣглеца и другимъ товарищамъ. Не смотря на то, что ихъ было пять человѣкъ, Смертенскій яростно боролся и имъ съ величайшимъ трудомъ удалось повалить и связать его. Разбойники нѣсколько минутъ тяжело дышали, одинъ едва двигался, а двое чувствовали сильную боль въ бокахъ. — Каурый мрачно смотрѣлъ и, отдышась, молвилъ:

— Экій медвѣдь... Кистень, Никифоровъ,

берите его и въ оврагъ, а тамъ я поговорю съ нимъ по своему.

Обезсиленнаго бѣглеца трое разбойниковъ потащили назадъ и бросили въ сторону, а сами принялись за прерванный обѣдъ и начали совѣщаться.

— Должно быть это сыщикъ, молвилъ крестьянинъ. Ахъ, варнакъ, какъ онъ разнесъ Волчка: да его за это надо живьемъ изжарить

— Шкуру сдеремъ съ живаго, коли онъ подглядываетъ за нами, проговорилъ сильно помятый разбойникъ и съ яростью бросилъ въ лице Смертенскаго кость. Тотъ бѣшено скрипнулъ зубами.— Его надо допросить, отвѣтилъ Каурый и подойдя къ нему, спросилъ: кто ты?

— Человѣкъ, или не видишь?

— Откуда?

— Откуда и ты; мать родила.

Каурый сердито крикнулъ.

— Ты не шути, а отвѣчай дѣло, не-то и горло пополамъ.

Смертенскій засмѣялся. Ему и страшно было и въ то же время не хотѣлось показать трусость. Смѣхъ озлилъ Кaураго.

— Погоди веселиться-то, проговорилъ онъ сквозь зубы: я развяжу тебѣ языкъ, а потомъ ремней накрою изъ твоей дрянной кожи.

Онъ взялъ съ земли сухую вѣтку, чиркнулъ спичку и зажегъ. Потомъ поднесъ горящую вѣтку такъ близко къ лицу плѣнника,

что даже волосы вспыхнули на головѣ у него. У Смертенскаго вдругъ пропалъ весь страхъ, въ груди закипѣло отчаянное бѣшенство. Онъ съ ненавистью взглянулъ на мучителя и проговорилъ:

— Жги, рѣжь, а ничего не скажу тебѣ, проклятый.

— Нѣтъ, заговоришь... Гей, ребята! разуй его и погрѣй пятки...

Двое другихъ звѣрей вмигъ разули несчастнаго и начали водить по подошвамъ горящими вѣтками. Боль была нестерпима но вмѣстѣ съ ней росло и упрямство бѣглеца. Онъ не издалъ ни одного звука, не шевельнулъ ни однимъ мускуломъ и только тяжелые вздохи вырывались изъ груди. Въ это страшное время у него вдругъ пронеслась мысль о смерти, быстро мелькнуло все прошлое и онъ въ первый разъ послѣ побѣга вспомнилъ мать. Нервы вздрогнули и онъ отчаянно крикнулъ.

— Матушка, матушка, гдѣ ты? помолись за грѣшнаго сына...

— А, а, зарюмилъ, свирѣпо крикнули бродяги, продолжая пытку, но вскорѣ остановились, увидя что врагъ впалъ въ безпамятство. Однако твердость его изумила всѣхъ.

Каурому вообще понравилась вся личность его.

— Надо дать опомниться ему, сказалъ онъ: вотъ молодецъ-то, такъ молодецъ: и силачъ и

больно крѣпокъ, такой товарищъ хоть кого не острамитъ.

Въ это время подошелъ и крестьянинъ. Онъ съ любопытствомъ началъ разглядывать Смертенскаго.

— Что это, какъ будто я гдѣ-то видѣлъ этого парня, проговорилъ онъ, силясь что-то припомнить: да, видѣлъ, но гдѣ? не помню.

— Должно быть, крестьянинъ...

— Нѣтъ; не здѣшній; я кругомъ далеко всѣхъ знаю, постой, дай Богъ памяти... ну ка, ребята растегните-ка кафтанишко... Вспомнилъ: этотъ парень былъ вожакомъ у слѣпыхъ-старцевъ, я его недѣли двѣ видѣлъ, какъ они у насъ ночевали.. да онъ съ ними какую штуку отколодъ: завелъ въ оврагъ, да всѣхъ и спустилъ туда; сидѣли они тамъ два дня никакъ, можетъ быть такъ бы и скончались, но случайно услыхалъ ихъ голоса нашъ мужикъ изъ деревни... ну и вытащилъ всѣхъ. Какъ перекалѣчились-то — страхъ! Ужъ они его кляли, кляли... Это настоящій сорви-голова...

— Ого, промолвилъ смѣясь Каурый; такъ онъ значитъ, изъ бродягъ, нашъ братъ... что же онъ раньше не сказалъ... ребята, дай-ка воды... воды! мы его вспрыснемъ!—Принесли воды, начали прыскать въ лицо Смертенскому, обожженныя мѣста стали покрывать толстымъ слоемъ муки, которая въ мѣшкѣ лежала у

костра. Его освободили отъ веревокъ. Вскорѣ онъ началъ приходить въ чувство. Каурый велѣлъ осторожно взять его и перенести къ костру. И это дѣлали люди, которые за минуту передъ тѣмъ хотѣли его убить. Но у бродягъ былъ своего рода законъ, и они своему всегда старались услужить. Свой своему по неволѣ, видно, братъ. Когда онъ совершенно очувствовался, атаманъ, на сколько могъ смягчивъ голосъ, спросилъ его:

— Молодецъ, говори правду: ты былъ вожакомъ у слѣпыхъ?

Смертенскій съ удивленіемъ взглянулъ на него.

— Что смотришь, правда? Ты ихъ посадилъ въ оврагъ и убѣжалъ—молодецъ! не слѣдъ такому богатырю терять жизнь между сволочью. Слушай: мы вольные люди, домъ нашъ—поле да лѣсъ, имѣніе, что сами возьмемъ съ собою у другихъ. День пируемъ, ночью—работаемъ. Ну, не прогнѣвайся, иной разъ какъ сыръ въ маслѣ катаемся, а другой—голодаемъ—да съ голоду только животы крѣпче подвязываемъ. Ступай къ намъ: веселѣе будетъ, чѣмъ одному жизнь коротать... ты же и полезенъ будешь, чай съ слѣпыми ходя всѣ мѣста и закоулки узналъ...

— Это вѣрно.

— Такъ по рукамъ, что ли? Ты свободенъ, твоя воля, мы своему не враги.

Смертенскій потянулся. Ему по душѣ пришлось предложеніе: нравственный развратъ уже былъ силенъ въ немъ, онъ протянулъ руку и сказалъ:

— Согласенъ.

— Ну, такъ вспрыснемъ товарища; молодцы, наливай стаканъ. За виномъ новичекъ разсказалъ свои похожденія и показалъ деньги. Каурый спросилъ его:

— Это хорошо для перваго раза. Только вотъ что: бабу—дуру ты живой оставилъ?

— Живой, жалко стало: рука не поднялась.

— Конечно, въ первый разъ это всегда такъ, только вотъ что я тебѣ скажу: у насъ, вольныхъ людей долженъ быть одинъ законъ; всегда убивай ограбленнаго, а то самъ себѣ бѣду наживешь. Ограбленный зло не забудетъ, подыметъ крикъ, будетъ ловить тебя и словитъ какъ звѣря. Нужно всегда слѣды хоронить. Не такъ-ли товарищи?

— Такъ, такъ, отвѣтили всѣ въ одинъ голосъ. Страшно было смотрѣть на этихъ людей. Паденіе ихъ было до того низко, что уже ниже этого нельзя было упасть. И такъ-то бываетъ всегда, когда человѣкъ попадаетъ на ложную дорогу.

— Молодцы! крикнулъ Каурый, — дурное дѣло сдѣлано, его не поправишь. Насъ ловятъ, теперь придутъ сюда... Дядя Тихонъ, обратился онъ къ крестьянину, намъ нельзя теперь

идти на добычу, какую указалъ ты, оставимъ это до времени, намъ нужно будетъ утекать въ другую сторону... Гей, ребята, собирайся въ загонъ... тамъ дождусь тебя, дядя... Прощай, привози, что сказано.

Всѣ засуетились и начали собираться. Крестьянинъ простился и поспѣшно побѣжалъ къ своей лошади. Чрезъ полчаса двинулись въ путь и разбойники.

Дѣйствительно старый бродяга не ошибся. Когда въ деревню, въ которой былъ Смертенскій, воротились мужики и сталъ извѣстенъ грабежъ, то всѣ въ одинъ голосъ рѣшили, что это дѣло если не Кaураго, то кого-нибудь изъ его шайки, скрывающейся по близости. Тотчасъ дали знать по окрестнымъ селеніямъ, прискакали сыщики и, по указанію мальчишекъ, которые случайно видѣли прохожаго парня, бросились въ лѣсъ. Но было уже поздно и погоня только увидала мѣсто, гдѣ былъ Каурый, остатки обѣда и издохшую собаку.

ГЛАВА V.

Отправка за добычей.—Ссора.—Нападеніе.—Битва.—Спасеніе.

Эта шайка, какъ и вообще всѣ сибирскія, не составляла правильнаго и организованнаго

общества, какъ это описывается въ разныхъ русскихъ и иностранныхъ романахъ. Дѣло велось гораздо проще. Встрѣтятся два-три человѣка между собой и имѣя одну общую цѣль—бродяжничество—согласятся все дѣлить вмѣстѣ и пойдутъ однимъ путемъ-дорогой. Кто изъ нихъ по удалѣе и извѣстнѣе, тотъ и становился предводителемъ шайки. По дорогѣ къ ней пристаютъ иногда и другіе бездѣльники. Днемъ они скитались по деревнямъ, просили милостыню, ночью—выходили на дороги или воровали въ домахъ. Добычу дѣлили въ лѣсахъ, а прокучивали ее въ извѣстныхъ пристаняхъ, которыя содержалъ какой-нибудь негодный крестьянинъ, гораздо худшій всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ мошенниковъ.

Каурый съ товарищами весело шелъ къ новому своему стану, посмѣиваясь надъ преслѣдователями. Шли они перелѣсками, полями, избѣгая заходить въ деревни. Къ вечеру другаго дня они были уже на мѣстѣ. Первое время, пока былъ припасъ, разбойники не объявлялись и въ окрестностяхъ не подозрѣвали о прибытіи опасныхъ людей. Каурый рѣшилъ не начинать дѣла до новыхъ извѣстій отъ дяди Тихона, какъ онъ называлъ крестьянина. Но время шло, припасы истощились, а дядя не показывался. Сдѣлался голодъ; пришлось добывать, но прежде нужно было достать вѣстей—гдѣ и на кого можно напасть. Каурый рѣшилъ,

что пойдутъ они по деревнямъ просить милостыню, всякій пойдетъ въ одиночку и къ вечеру должны будутъ сойтиться опять на Ростанье.

День былъ отличный, когда они вышли изъ бора и стали спускаться въ широкую ложбину, по которой тянулась проселочная дорога. Въ это время на ней показался съ возомъ мужикъ, выѣхавшій изъ пригорка. Каурый пріостановился и сказалъ товарищамъ:

— На ловца и звѣрь бѣжитъ. Его нужно обработать. Съ этой цѣлью онъ быстро оглядѣлъ мѣстность и тотчасъ же послалъ двухъ бродягъ впередъ, чтобъ они незамѣтно пробрались кустами къ дорогѣ и отрѣзали бы путь мужику, если бы онъ вздумалъ бѣжать. Потомъ, выждавъ время пока крестьянинъ не очутился въ серединѣ поляны, онъ съ остальными прямо пошелъ на него. Но въ это же время, незамѣтно для всѣхъ дѣйствующихъ лицъ этой сцены, изъ противоположной рощи показался было всадникъ, но съ пригорка, увидавъ подозрительныхъ людей, крадущихся къ проѣзжему, повернулъ лошадь и во весь опоръ помчался назадъ. Это былъ одинъ изъ объѣздныхъ лѣсничихъ. Онъ поскакалъ въ ближайшую деревню. Между тѣмъ крестьянинъ тихо и безпечно ѣхалъ по дорогѣ и мурлыкалъ пѣсню. Вдругъ не въ далекѣ отъ него, изъ кустовъ раздался грозный крикъ:

— Стой!

При этомъ крикѣ крестьянинъ вздрогнулъ отъ страха, но потомъ, разсчитывая на силу коня и легкость воза, ударилъ по немъ и вскачь пустился на утекъ. Негодяи съ рычаніемъ бросились за нимъ. Лошадь была отличная, она далеко опередила погоню. Крестьянинъ разсчитывалъ на спасеніе и усердно погонялъ. Четверть часа продолжалъ онъ такъ ѣхать, бродяги задыхались, посылали вслѣдъ ему проклятія, для нихъ одна надежда оставалась только на высланныхъ впередъ товарищей. Дѣйствительно они успѣли пересѣчь дорогу и далеко впереди стояли на ней. Лошадь быстро неслась на нихъ. Одинъ изъ бродягъ, не надѣясь удержать разгоряченное животное, отскочилъ въ сторону, но другой неподвижный и вкопанный, словно статуя, остался на дорогѣ, раскинувъ въ обѣ стороны руки. Глаза его были устремлены на лошадь и какъ будто впились въ нее. Эта стойкость и рѣшительность имѣли свое дѣйствіе. Конь доскакалъ до человѣка, испугался и круто повернулъ въ сторону. Телега опрокинулась, крестьянинъ отлетѣлъ въ сторону, и уже около воза стоялъ смѣлый разбойникъ. Это былъ Смертенскій. Другой взялъ несчастнаго. Вскорѣ прибѣжали остальные разбойники, сильно истомленные.

— А, собачій сынъ, говорилъ Каурый тыкая крестьянина ногой въ грудь, между тѣмъ

какъ другіе развязывали возъ и откладывали лошадь,—смѣлъ ослушаться, бѣжать вздумалъ— такъ вотъ тебѣ задастъ Каурый: слыхалъ-ли ты объ немъ?

— Отецъ родной, помилуй!... взмолился несчастный.

— Я тебя помилую... Гей, ребята, свяжите скорѣе, а ты, братъ, кайся въ грѣхахъ, не помилую, у меня разговоръ коротокъ: петлю, да и покачивайся себѣ на соснѣ. —

И онъ потащилъ бѣднягу къ дереву.

— Батюшки, помилосердуйте, отпустите душу... вспомните, что и вамъ умирать придется... будьте милостивы... Но разбойникъ не слушалъ его и потащивъ къ дереву, закинулъ уже ему петлю и готовился поднять, какъ въ эту минуту подбѣжалъ Смертенскій, и остановилъ руку душегубца, сказалъ:

— Каурый, брось его... ну, что тебѣ за охота убивать его? съ насъ довольно, что отняли у него...

— Нельзя, у меня такое правило...

— Ну, не прогнѣвайся, а Смертенскій не дастъ убить человѣка ни за что ни про что.

Каурый свирѣпо взглянулъ и проговорилъ:

— Ого, ишь какой чувствительный заступникъ!... Что тебѣ—его головы жаль, а своей прямо въ петлю лѣзешъ... ха... ха... пусти прочь!...

— Нѣтъ, братъ, какъ ты жарилъ меня и я

думалъ, что прощусь съ жизнью, такъ знаю, каково тошно умирать человѣку, а мы вотъ что!—свяжемъ его, бросимъ тутъ, а сами и уйдемъ пока.

— Не перечь мнѣ, а то плохо выйдетъ... Ты молокососъ, неопытенъ, потому такъ глупо говоришь...

И онъ снова обратился было къ несчастному, но Смертенскій отбросилъ его въ сторону и всталъ между жертвой и Каурымъ.

— Слушай ты, крикнулъ онъ: если ты хотя пальцемъ его тронешь, то я тебѣ переломлю кости, а его развяжу и отпущу...

Каурый заскрежеталъ зубами, выхватилъ топоръ и готовъ былъ броситься на противника, какъ въ это самое время случилось нѣчто такое, что заставило призадуматься всѣхъ бездѣльниковъ. Съ этой стороны, гдѣ на косогорѣ была роща, показалась толпа конныхъ людей вооруженная рогатинами, и именно съ той, съ которой вышли бродяги, тоже спускались вооруженные мужики. Такимъ образомъ разбойники оставались въ открытой ложбинѣ, совершенно отрѣзанные отъ лѣса. Чтобы понять какъ это случилось, намъ нужно обратиться нѣсколько назадъ. Быстро проѣхавъ версты четыре, онъ сбилъ народъ, наскоро разсказалъ, что дѣлается въ долинѣ, и въ числѣ двадцати мужиковъ бросился обратно. Доѣхавъ до рощи онъ половину оста-

вилъ при себѣ, а другую послалъ въ обходъ, чтобы они не допустили бродягъ уйти къ Ростанью, такъ называли боръ, гдѣ, по мнѣнію всѣхъ, всегда гнѣздились опасные люди и скрывались среди болотъ знакомые съ каждой тропинкой, тѣ успѣшно исполнили свое дѣло. Пока обѣ стороны спускались въ долину, Каурый, прекративъ ссору до будущаго раза, окинулъ окрестность испытующимъ взглядомъ. Путь для нихъ открытъ былъ только по долинѣ, которая имѣла верстъ семь въ окружности и представляла площадь, совершенно ровную, покрытую кой гдѣ небольшимъ, рѣдкимъ кустарникомъ. Еслибъ не было у нападающихъ ружей, то можно было бы надѣяться на спасеніе; но они въ добавокъ были и на лошадяхъ, слѣдовательно успѣхъ и перевѣсъ былъ рѣшительно на сторонѣ ихъ. Бродяги скучились вокругъ атамана и не знали на что рѣшиться. Одни предлагали бѣжать по долинѣ, другіе говорили, что лучше сдаться, такъ какъ тутъ ужъ ничего не подѣлаешь, а тамъ, можетъ быть, удастся какъ-нибудь убѣжать и во всякомъ случаѣ спасешь себѣ жизнь. Съ презрѣніемъ взглянулъ на нихъ свирѣпый Каурый, и мрачной отвѣтилъ:

— Молодцы! бѣжать по лощинѣ, значитъ идти всѣмъ на вѣрную гибель: насъ перебьютъ, какъ трусливыхъ зайцевъ. Сдаваться живьемъ—еще хуже. Пошлютъ насъ на темную

каторгу, прикуютъ, словно собакъ, къ цѣпи; и тамъ мы такъ въ неволѣ и издохнемъ. А кто любитъ лѣсъ, поле, да вольный свѣтъ— за мной! Мы пойдемъ къ рощѣ, и пока къ нимъ подоспѣютъ—пробьемся сквозь нихъ. Кто спасется, будетъ воленъ опять, а кто нѣтъ, тотъ ужъ самъ на себя пеняй... лучше умереть, чѣмъ живому снова идти на цѣпь.

Съ топоромъ въ рукахъ онъ пошелъ впередъ, рядомъ съ нимъ пошелъ Смертенскій. Остальные почти машинально двинулись за ними. Это были мелкіе бродяги, трусливые передъ опасностью и наглые при удачѣ.

Когда они подошли шаговъ на пятнадцать къ противнику, то до нихъ донеслись громовые имъ крики:

— Бросай топоры, чертовы дѣти!... винись... одежду скидавай... становись на колѣна...

— А вотъ я вамъ скину по башкѣ! крикнулъ атаманъ: прочь съ дороги! Каурый идетъ... молодцы, работай...

Воодушевленные его смѣлостью, бродяги съ отчаяннымъ ревомъ кинулись за своимъ атаманомъ въ толпу. Раздались выстрѣлы, двое бродягъ, пронзенные пулями, повалились но остальные свирѣпо дрались. Смертенскій широкую прокладывалъ себѣ дорогу, отъ него со страхомъ сторонились всѣ и никто не рѣшался схватиться съ силачемъ. Крестьяне на-

вилъ при себѣ, а другую послалъ въ обходъ, чтобы они не допустили бродягъ уйти къ Ростанью, такъ называли боръ, гдѣ, по мнѣнію всѣхъ, всегда гнѣздились опасные люди и скрывались среди болотъ знакомые съ каждой тропинкой, тѣ успѣшно исполнили свое дѣло. Пока обѣ стороны спускались въ долину, Каурый, прекративъ ссору до будущаго раза, окинулъ окрестность испытующимъ взглядомъ. Путь для нихъ открытъ былъ только по долинѣ, которая имѣла верстъ семь въ окружности и представляла площадь, совершенно ровную, покрытую кой гдѣ небольшимъ, рѣдкимъ кустарникомъ. Еслибъ не было у нападающихъ ружей, то можно было бы надѣяться на спасеніе; но они въ добавокъ были и на лошадяхъ, слѣдовательно успѣхъ и перевѣсъ былъ рѣшительно на сторонѣ ихъ. Бродяги скучились вокругъ атамана и не знали на что рѣшиться. Одни предлагали бѣжать по долинѣ, другіе говорили, что лучше сдаться, такъ какъ тутъ ужъ ничего не подѣлаешь, а тамъ, можетъ быть, удастся какъ-нибудь убѣжать и во всякомъ случаѣ спасешь себѣ жизнь. Съ презрѣніемъ взглянулъ на нихъ свирѣпый Каурый, и мрачной отвѣтилъ:

— Молодцы! бѣжать по лощинѣ, значитъ идти всѣмъ на вѣрную гибель: насъ перебьютъ, какъ трусливыхъ зайцевъ. Сдаваться живьемъ—еще хуже. Пошлютъ насъ на темную

каторгу, прикуютъ, словно собакъ, къ цѣпи; и тамъ мы такъ въ неволѣ и издохнемъ. А кто любитъ лѣсъ, поле, да вольный свѣтъ— за мной! Мы пойдемъ къ рощѣ, и пока къ нимъ подоспѣютъ—пробьемся сквозь нихъ. Кто спасется, будетъ воленъ опять, а кто нѣтъ, тотъ ужъ самъ на себя пеняй... лучше умереть, чѣмъ живому снова идти на цѣпь.

Съ топоромъ въ рукахъ онъ пошелъ впередъ, рядомъ съ нимъ пошелъ Смертенскій. Остальные почти машинально двинулись за ними. Это были мелкіе бродяги, трусливые передъ опасностью и наглые при удачѣ.

Когда они подошли шаговъ на пятнадцать къ противнику, то до нихъ донеслись громовые имъ крики:

— Бросай топоры, чертовы дѣти!... вяжись... одежду скидавай... становись на колѣна...

— А вотъ я вамъ скину по башкѣ! крикнулъ атаманъ: прочь съ дороги! Каурый идетъ... молодцы, работай...

Воодушевленные его смѣлостью, бродяги съ отчаяннымъ ревомъ кинулись за своимъ атаманомъ въ толпу. Раздались выстрѣлы, двое бродягъ, пронзенные пулями, повалились но остальные свирѣпо дрались. Смертенскій широкую прокладывалъ себѣ дорогу, отъ него со страхомъ сторонились всѣ и никто не рѣшался схватиться съ силачемъ. Крестьяне на-

чали уже колебаться, Каурый, какъ звѣрь ломился на проломъ и неистово оралъ:

— Смертенскій, бей подлецовъ... валяй кошкодавовъ... впередъ!.. знайте впередъ... что за Каурый...

Но когда они почти уже пробились, какъ на помощь своимъ прискакала другая толпа и дѣло приняло другой оборотъ. Истомленные бродяги должны были схватиться въ новыми силами. Теперь Смертенскій понялъ, что всѣмъ спастись нельзя и подумалъ о себѣ, не теряя присутствія духа, онъ подскочилъ къ одному мужику, свалилъ его съ лошади, вскочилъ на нее и размахивая топоромъ пробился одинъ впередъ. Остальные бродяги были въ это время раздѣлены другъ отъ друга каждый боролся одинъ противъ трехъ и потому вскорѣ были всѣ перевязаны, за исключеніемъ Кауряго, который былъ убитъ при новой схваткѣ. Когда все было кончено и побѣдители, подобравъ плѣнныхъ и убитыхъ, пошли домой, то дорогой вспомнили объ удальцѣ, дивились, какъ онъ одинъ успѣлъ ускользнуть изъ общей гибели и ни одна пуля не тронула его.

— Это не даромъ, говорили въ толпѣ: ужъ на что Каурый, и тотъ погибъ, а этотъ косолапый, какъ ни въ чемъ не бывалъ: сломалъ всѣхъ и удралъ... это колдунъ душу чорту запродалъ.

— Да что вы, братцы, заговорили другіе: —

да это самъ лѣшій былъ, онъ помогалъ Караурому, пока у нихъ не вышелъ срокъ, а какъ онъ миновался, схватилъ его душу да и пропалъ... даже смрадъ былъ слышенъ послѣ этого.

ГЛАВА VI.

Одиночество.—Наставленіе бродяги.—Дядя Тихонъ.—Притонъ.—Пожаръ.—Поимка.—Удальство.

Долго скакалъ Смертенскій отъ мѣста свалки, пока лошадь, окончательно измученная, не упала на землю; тогда онъ бросилъ ее на дорогѣ и побѣжалъ въ лѣсъ, гдѣ и забрался въ самую глушь, словно дикій звѣрь, боясь погони. Силы его ослабли и онъ вскорѣ заснулъ, но сонъ былъ тревоженъ. То ему видѣлось, что его преслѣдуютъ, словили и посадили на цѣпь, то казалось что его вѣшаютъ, и онъ въ безпокойствѣ просыпался. Рано утромъ онъ проснулся и оглядѣлся кругомъ. Все

было тихо и мрачно въ лѣсу, вѣтеръ гулко шумѣлъ между соснами, небо было сумрачно и слегка покрапывалъ дождикъ.

— Опять одинъ, проговорилъ бѣглецъ. Ну-ка, гдѣ ты теперь, Каурый? а какой звѣрь онъ былъ, да впрочемъ какъ и не быть имъ; ну, попадись я теперь, такъ меня не помилуютъ, не накормятъ, не обласкаютъ, а бросятся, какъ на медвѣдя. . пожалуй Каурый и правъ... Вотъ теперь мнѣ ѣсть хочется, а какъ достать хлѣба?...... Въ деревнѣ просить страшно, опознаютъ да и скрутятъ, ну и приходится силой добывать; голодъ не тетка, животъ не уговоришь: все ѣсть проситъ какъ внутри подводитъ... нѣтъ-ли чего въ карманѣ? Онъ посмотрѣлъ, но тамъ не оказалось ничего; еще со вчерашняго вечера все было съѣдено. Смертенскій грустно засмѣялся, туго-на-туго затянулъ свой кушакъ, потянулся и подумалъ

— А славно жить богатому, сытъ, пьянъ, веселится и никого не боится... Отчего не всѣмъ одно счастье? ну, сталъ ли бы я такъ мучиться когда бы у меня было всего въ волю... но впрочемъ, чтобы нажить, чтобы барствовать, нужно сперва лямку тереть, кланяться, изгибаться, а это мнѣ не по нраву; по моему все сразу нажилъ и—погулялъ, пока молодость да сила есть... Но чтожъ я одинъ стану дѣлать? лучше пойду къ дядѣ Тихону и тамъ увижу какъ жить.

Онъ всталъ и пошелъ въ ту сторону гдѣ была деревня Тихона и до которой было добрыхъ шестьдесятъ верстъ. Мѣста были ему знакомы. Онъ старался избѣгать живыхъ мѣстъ, но голодъ все сильнѣе и сильнѣе одолѣвалъ и къ вечеру достигъ до того, что онъ рѣшился выйти на проѣзжій трактъ и выпросить хлѣба или денегъ: съ ними онъ разсчитывалъ, во всякомъ случаѣ, добыть себѣ пищи.

Было уже совсѣмъ темно, когда Смертенскій подошелъ къ дорогѣ и пошелъ по ея окраинѣ въ ожиданіи кого нибудь встрѣтить. Но долго всѣ его надежды оставались тщетными, злоба начала одолѣвать его. Онъ проклиналъ все на свѣтѣ и клялся убить перваго встрѣчнаго; во всемъ онъ винилъ другихъ, забывая, что главная причина его несчастія заключалась въ немъ самомъ. Но такова уже натура человѣка, что при невзгодѣ онъ всегда пеняетъ на посторонніе предметы, оправдывая себя и обвиняя другихъ. Среди самыхъ —то неистовыхъ, то грустныхъ думъ, до слуха Смертенскаго донесся далекій звукъ колокольчика. Голодный вздрогнулъ и началъ прислушиваться: звуки становились все слышнѣе. По звуку онъ угадалъ, что ѣдутъ шагомъ. Онъ торопливо пошелъ впередъ; вдругъ на глаза ему, въ сторонѣ, показалось нѣсколько перекладинъ, приготовленныхъ для настилки моста. Бродяга поспѣшно бросился къ нимъ и быстро одну

за другой положивъ поперекъ дороги, самъ пошелъ дальше.

— Если не дадутъ—ограблю, шепталъ онъ: сперва спрошу добромъ, а тамъ не прогнѣвайся... но что какъ ихъ много?.. Онъ тяжело вздохнулъ, руки нервично сжали топоръ.

Изъ тѐмноты показались лошади. Ямщикъ дремалъ и качался на козлахъ. Въ кибиткѣ тоже, казалось, спали. У бродяги при взглядѣ на такую безпечность пробѣжала мысль внезапно напасть, но онъ раздумалъ и въ то время когда повозка поровнялась съ нимъ, онъ, ухватился за крыло, снялъ шапку и прокричалъ:

— Христа-ради, на погорѣлое мѣсто... поминаючи вашихъ родителей...

Отъ неожиданности вздрогнулъ и продралъ глаза кучеръ, изъ повозки высунулась голова въ форменной фуражкѣ и сердито крикнула:

— Пошелъ прочь, негодяй! Эй ты, ямщикъ! чего смотришь?... поѣзжай рысью.

Лошади побѣжали.

— Два дня не ѣлъ... Христа ради... держась за край и бѣжа рядомъ съ повозкой, кричалъ бродяга.

— Что онъ присталъ? ямщикъ, стегни его хорошенько...

Въ это время лошади вдругъ остановились: на дорогѣ лежали бревна. Въ ту же минуту въ повозку, какъ кошка, прыгнулъ Смертен-

скій, сильнымъ ударомъ сбросилъ ямщика съ козелъ и, не давая опомниться отъ изумленія сѣдоку, сдавнулъ его за горло и крикнулъ:

— Вотъ, баринъ, велѣлъ ты кнутомъ отогнать бѣдняка, теперь ты въ его власти, и не бойся, этотъ бѣднякъ не тронетъ твоей жизни.

По окончаніи грабежа, бродяга вытащилъ изъ подъ повозки обезумѣвшаго отъ страха ямщика, посадилъ его на козлы, помогъ ободриться господину и съ поклономъ изчезъ въ ночной темнотѣ.

Къ разсвѣту втораго дня Смертенскій дошелъ до небольшой деревушки, гдѣ жилъ дядя Тихонъ, державшій воровскую пристань. Изба его была самая крайняя.

Личность, подобная Тихону, была сущимъ наказаніемъ для крестьянскихъ обществъ того времени. Это былъ, что называется, травленый волкъ: онъ нѣсколько разъ содержался въ острогахъ, былъ знакомъ со многими негодяями, имѣлъ съ ними дружбу и изъ собственныхъ выгодъ укрывалъ бродягъ. Тихонъ кормилъ ихъ въ лѣсахъ и указывалъ на добычу, какъ мы видѣли выше. Въ окрестностяхъ знали этого человѣка за самаго дурнаго и опаснаго, говорили — что онъ воръ, негодяй, однако никто, явно, не осмѣливался уличить его въ этомъ и гласно объявить. Общество страдало отъ него, но когда дѣло доходило до

окончательнаго приговора и начальство спрашивало: каковъ Тихонъ? то изъ боязни всегда одобряли его и бездѣльникъ оставался не наказаннымъ. Всѣ боялись и страшились его, твердо вѣря, что если оговорятъ и выдадутъ Тихона, то изъ этого ничего не выдетъ кромѣ бѣды: пройдетъ какой нибудь изъ его прiятелей огнемъ по селу и выжжетъ все до тла. Этимъ страхомъ и держался дядя Тихонъ, имъ-то онъ и былъ силенъ, среди крестьянъ. Сперва было задумали съ нимъ потягаться, но онъ показалъ имъ, что съ нимъ шутки плохiя. Разъ на него донесли и Тихона засадили, но онъ задарилъ кого слѣдуетъ, дѣло свое оправдалъ, его выпустили, а спустя недѣли двѣ одинъ доказчикъ сгорѣлъ, другихъ нашли мертвыми въ лѣсу. Слѣды были скрыты и уликъ не было. Дядя явился среди испуганнаго народа и, поглаживая остроконечную свою бородку, смиренно взглядывая на людей, тихо проговорилъ:

— Смотрите, добрые люди, не обижайте бѣднаго человѣка, за него накажетъ Господь: видите во очiю сами что совершилось съ моими обидчиками.

Смѣло постучался бродяга въ окно избы дяди. Минуты черезъ двѣ окно открылось изъ него вытянулось хитрое лицо Тихона.

— Что надо, кто?

— Свои.

Дядя подозрительно оглянулъ, но за темнотой не могъ хорошенько разглядѣть лица.

— Что смотришь? пускай скорѣе: Кауровскій.

— Не ори, прошепталъ Тихонъ: а гдѣ самъ?

— Послѣ скажу, отпирай...

Тихонъ скрылся и черезъ нѣсколько минутъ вступилъ бродяга въ избу. Взойдя Смертенскій въ короткихъ словахъ разсказалъ о гибели Каураго и о своемъ бѣгствѣ.

— Плохо, плохо, другъ, проговорилъ дядя, почесывая затылокъ; чтожъ я то тебѣ могу сдѣлать?

— Будь отецъ, укрой... чай, меня ужъ отыскиваютъ: нужно время переждать въ надежномъ мѣстѣ.

Тихонъ взглянулъ на него изъ подлобья и покачалъ въ раздумьи головой. Бродяга смекнулъ, что было нужно. Онъ вынулъ бумажникъ, который отнялъ у проѣзжаго и раскрылъ его. Съ Тихономъ вдругъ сдѣлалась перемѣна. Онъ торопливо заговорилъ:

— Эхъ, молодецъ, такъ бы ты сначала и заговорилъ... присядь, пріятель! усталъ, чай съ дороги.. Вотъ молодецъ, такъ молодецъ! еще пухъ на устахъ, а уменъ—стараго человѣка голова... не хочешь ли винца съ дороги-то? погодь маненько... онъ торопливо юркнулъ въ дверь и вынесъ водки и половину пирога.

— Закуси, закуси, пріятель... да тебя никто не видалъ, какъ ты сюда пришелъ?

— Ни одной живой души...

— Ну и отлично... теперь еще рано, никто не подымался, я тебя проведу въ овинъ, тамъ у меня есть подполье, ни никто не увидитъ хоть днемъ съ огнемъ ищи—не отыщетъ.

Минутъ черезъ десять они вышли. Тихонъ сперва осторожно оглянулся въ разныя стороны и, успокоившись, повелъ гостя на зады. Вскорѣ они пришли къ овину, около котораго была яма, обваленная соломой. Тихонъ разгребъ ее и вмѣстѣ съ бродягой спустился на дно. Около одной изъ стѣнъ ямы виднѣлось дыра, въ которую могъ проползти человѣкъ. Тихонъ съ фонаремъ ползъ туда за нимъ пошелъ и бродяга. Это былъ небольшой проходъ въ подземелье. Когда они стали на ноги, то при свѣтѣ огня, Смертенскій увидалъ глубокую яму, обложенную мохомъ и съ укатаннымъ поломъ.—Сводъ землянки поддерживался небольшими бревнами. На полу валялись и стояли три чурбана, замѣняющіе и столы и стулъ, въ углахъ были связки соломы и сѣна на которыхъ обыкновенно спали бродяги, въ довершеніе обстановки валялись игорныя карты. Вообще подземелье было, таково, что здѣсь можно помѣститься человѣкъ шесть и прожить, не боясь холоду, цѣлую зиму.

— Вотъ избенка тебѣ, проговорилъ Тихонъ,

ставя фонарь на одинъ изъ чурбановъ: тутъ-пріятель, перебывало всякихъ хорошихъ и дурныхъ пріятелей—множество. Сюда никто не заглянетъ, а въ случаѣ чего, такъ и отсюда можно дать тягу. Мой овинъ стоитъ на краю овражка, подполье сдѣлано какъ разъ въ немъ, а вотъ тутъ въ стѣнѣ и проходъ: отвали камень и тебѣ выходъ на свѣтъ вольный а тамъ и поминай какъ звали.

Смертенскій при всей своей опытности едва могъ замѣтить указанный выходъ, заставленный камень, который искусно былъ обложенъ мохомъ.

— Ну, располагайся какъ дома, сказалъ хозяинъ: если случится мнѣ куда отлучиться, то кормить будутъ тебя мои бабы... отдохни, приглядись: пока поскучаешь, а тамъ будутъ и товарищи — дѣльце найдемъ, такіе молодцы безъ работы не сидятъ.

— Постой: проговорилъ бродяга: я тебя не спросилъ, отчего ты не пріѣхалъ на Ростанье къ намъ?...

— Нельзя было, слѣдили... признали, проклятые, что я пріятель вамъ.

Хозяинъ ушелъ. И потянулась новая жизнь Якова Смертенскаго въ подземельѣ. Для него она шла не скучно. Пока были деньги, дядя Тихонъ доставлялъ ему все, что было нужно, и что только онъ требовалъ. Все Тихонъ доставалъ на заводахъ. Вскорѣ въ подполье на-

чали приходить и другіе бродяги, чтобы попить, поѣсть, обогрѣться—да запастись одежонкой. Не разъ сталъ вмѣстѣ съ ними выходить на промыслъ и Смертенскій, когда вышли деньги и приходилось добывать ихъ. Промыслы указывалъ добрый дядя, доставлялъ имъ и лошадей, когда требовалась въ нихъ нужда.

Бродяги, которые имѣли притонъ у Тихона, большею частію были народъ отчаянный, сорви голова. Это были каторжники, бѣжавшіе изъ мѣстъ своего заключенія, стосковавшіеся по зеленымъ лугамъ и синимъ лѣсамъ. Весной и лѣтомъ для нихъ былъ вездѣ домъ, пріютъ и постель, но съ наступленіемъ осени, особенно зимнихъ холодовъ, они спѣшили пріискивать себѣ теплыя мѣста. Но зачастую эти бѣглецы, истощенные голодомъ и холодомъ, не находя себѣ пріюта, ворочались сами съ повинной въ мѣста заключенія, а другіе, раздобывшись фальшивымъ видомъ, пріискивали себѣ вольныя мѣста для работы. Въ открытомъ полѣ на зимнее время оставались только самые испытанные, искусившіеся неоднократно въ бѣгахъ, которые, словно сурки, рыли себѣ снѣжныя норы и обкладывались хворостомъ и коротали свою жалкую и голодную жизнь.

Много перевидалъ бродягъ Смертенскій много разъ съ ними выходилъ на ночные набѣги, и всѣ, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло, удивлялись его ловкости, смѣтливости и отчаянной дерзо-

сти, а физическая сила его приводила ихъ въ изумленіе, внушала имъ уваженіе и вскорѣ онъ прослылъ за атамана бродягъ. Его давно уже стали розыскивать, имя его съ самаго бѣгства послѣ схватки и продѣлки съ пріѣзжимъ стало ходить между народомъ, и если съ одной стороны возбуждало страхъ и омерзеніе къ разбойнику, то съ другой стороны его удаль привлекла къ нему и сочувствіе невѣжественнаго и простаго населенія. Особенно онъ сдѣлался какимъ-то сказочнымъ героемъ послѣ одного случая, стоившаго ему чуть не лишенія жизни и свободы.

Въ самую глубокую осень, въ сумерки, выѣхалъ онъ съ двумя своими товарищами на грабежъ, разумѣется, по указанію дяди. Подъѣхавъ къ селу, они остановили въ лѣсу лошадей, ползкомъ пробрались къ деревнѣ и скрылись въ гуменной ямѣ, дожидаясь пока всѣ улягутся и угомонятся. Случайно въ эту же деревню зашелъ и старый плутъ Сысой. Онъ разсорился съ своей артелью, которая разошлась послѣ бѣгства отъ нихъ вожака, и бродилъ теперь одинъ, пробавляясь милостыней, а гдѣ случится—воровствомъ. Сысоя пустили въ одну избу, гдѣ были однѣ только бабы. Когда всѣ заснули въ избѣ, старому плуту пришло въ голову обшарить углы. Потихоньку выбравшись изъ избы, онъ подошелъ къ чулану, снявъ пробой и, вздувъ лучину, на-

чалъ шарить по сундукамъ. Во время этой операціи вдругъ одна изъ спавшихъ бабъ проснулась и услыхавъ шорохъ въ сѣняхъ, взглянула въ дверь. Сысой смутился и второпяхъ сунулъ зажженную лучину въ уголъ, гдѣ висѣла крестьянская одежда. Платье вспыхнуло, а баба съ крикомъ: воры!.. горимъ!... въ рубашкѣ выскочила на улицу, а за ней старый бездѣльникъ. Это случилось въ полночь. Огонь вскорѣ обнялъ крышу и пламя, подхваченное сильнымъ вѣтромъ и охватило другія избы. Народъ въ ужасѣ пробуждался, заметался въ стороны и раздались отчаянные крики. Суматоха сдѣлалась страшная; вой, крикъ, пламя, дымъ, свистъ вѣтра, все слилось въ какой-то дикій и одуряющій хаосъ. Для карауливших грабителей это была самая удобная минута.

— Братцы, по домамъ и прибирай въ рукахъ! крикнули они въ одинъ голосъ, и выхвативъ топоры, побѣжали въ селеніе. Въ суматохѣ ихъ никто не замѣтилъ и не обратилъ вниманія. Они бѣжали вдоль улицы, прямо къ тому концу, гдѣ еще не загорѣлось. Смертенскій былъ впереди... вдругъ онъ остановился словно вкопанный, около него раздался страшный, раздирающій душу вопль! Крикъ былъ такъ отчаянъ, въ немъ отразилась столько ужаса и невыразимаго горя, что и привычное ко всему сердце бродяги невольно вздрогнуло. Не вдалекѣ отъ него, около дере-

вяннаго сруба стояла раздѣтая женщина и, простирая руки къ горѣвшей избѣ, неистово вопила:

— Доченька!.. родимые мои!.. горитъ, моя Дарьюшка!.. спасите...

Но ея крики напрасно разносились: каждый былъ занятъ своимъ горемъ и спасалъ свое, а кто и слышалъ ихъ, то не рѣшался подойти къ избѣ. Она была вся въ огнѣ: снаружи и внутри сквозилъ огонь. Ни у кого не хватало духу пройти. Яковъ взглянулъ на избу. У него застучало въ вискахъ, кровь прилила къ сердцу и онъ, движимый лучшимъ чувствомъ, словно шальной, бросился въ огонь оторвалъ раму и вскочилъ въ избу. Дымъ и пламя пахнули ему въ лицо. Онъ соскочилъ внизъ и наткнулся на шестилѣтняго ребенка, который задыхался отъ жара и дыма. Смертенскій схватилъ его на руки, обернулъ полой и черезъ горѣвшія сѣни, выбѣжалъ на улицу. Волосы, лицо и руки были у него опалены; платье прогорѣло и курилось. Едва только онъ показался, какъ на него брызнули цѣлыхъ два ушата воды. Онъ бережно отдалъ дитю подбѣжавшей матери, и когда та бросилась къ нему въ ноги, отвернулся и обратясь къ товарищамъ, которые стояли неподвижно и въ изумленіи смотрѣли на него, крикнулъ:

— Что-жъ братцы! али мы тоже некрещеные?.. Помогать нужно... и съ этимъ словомъ

бросился на крышу помогать. За нимъ пошли и бродяги, позабывъ о грабежѣ, увлеченные его примѣромъ. Вся эта сцена произошла быстро, мгновенно и кто ее видѣлъ, тотъ не могъ придти въ себя отъ изумленія. Молва о смѣлости быстро разнеслась между суетившимся народомъ.

Но въ то время, когда Смертенскій работалъ среди огня, примѣтилъ его и старый Сысой, шнырявшій тутъ же въ надеждѣ на поживу и думавшій убѣжать, когда пожаръ будетъ приходить къ концу. Онъ узналъ своего бывшаго вожака и вздрогнулъ: ненависть искривила его лицо, Сысой подумалъ:

— А, варнакъ! самъ пришелъ на свою погибель... вотъ теперь узнаешь Сысоя!..

Онъ подошелъ къ кучкѣ бабъ, бывшихъ около своего скарба и сталъ прислушиваться, что онѣ говорятъ. Разговоръ, конечно, шелъ о пожарѣ. Кто говорилъ что подожгли, кто предполагалъ неосторожность. Сысой вмѣшался въ разговоръ и молвилъ:

— Бабы-дуры, знамое дѣло что подожгли, развѣ вы не знаете, кто теперь гуляетъ между вами?

— Кто? кто? посыпались вопросы.

— А Смертенскій съ товарищами, онъ и поджогъ...

Ужасъ объялъ ихъ. Имя бродяги мгновенно пронеслось между всѣми. Стали искать его гла-

зами и Сысой указалъ на него. Между крестьянами поднялся ропотъ: кто повѣрилъ этому, а кто и нѣтъ. Эти послѣдніе задавали себѣ вопросъ: съ какой-же стати помогаетъ тушить, а не грабитъ и не рѣжетъ. Однако у всѣхъ состоялось убѣжденіе, что это дѣло нужно разобрать и допросить молодца. Сысой клялся и божился, что въ лицо знаетъ бродягу и что слова его справедливы. Тогда снова родился вопросъ, какъ изловить вора, идти на него прямо – боялись, не знали сколько человѣкъ съ нимъ товарищей, но и тутъ длинный Сысой обѣщался взяться за дѣло и отдать его въ руки живьемъ. Все это, разумѣется, переговаривалось въ разныхъ кучкахъ, не сообща, врознь, такъ сказать на лету, и всему дѣлу ходъ и направленіе сообщалъ нищій, хитро разсчитавшій всю бѣду свалить на другаго и въ то же время отомстить ему. Онъ хотѣлъ разомъ убить двухъ зайцевъ. Съ той минуты, какъ крестьяне рѣшились овладѣть бродягой, Сысой слѣдилъ за нимъ каждый шагъ.

Къ утру пожаръ началъ ослабѣвать. Утомившійся Яковъ, отошелъ къ углу одной избы и, тяжело дыша, прислонился къ нему. Онъ смотрѣлъ на пепелище и думалъ.

— Ну, хоть разъ да помогъ человѣку: нынче мы, бродяги, потрудились для право-

славныхъ. Онъ вспомнилъ о спасенномъ ребенкѣ и прошепталъ: ангельская душенька, помолись за мою грѣшную душу... эхъ, еслибъ несчастный со мною случай, не убѣжалъ бы я, не хоронился бы отъ людей, небоялся свѣту Божьяго... что я—жалкій бродяга, нищій варнакъ, теперь нѣтъ ничего — а въ будущемъ далекая каторга... Эхъ, страшно. Но иначе ничего не будетъ; судьбы своей не перемѣнишь, теперь что ни дѣлай, а не минуешь тяжелой цѣпи да каменной стѣны... лучше бы мнѣ и не родиться было на свѣтъ.

Пока онъ предавался подобнымъ мыслямъ, къ нему, точно кошка, подкрадывался длинновязый Сысой, невдалекѣ отъ него шла, тоже крадучись, небольшая кучка мужиковъ, готовая при первомъ знакѣ нищаго, броситься на страшнаго бродягу. Смертенскій совершенно не подозрѣвалъ настоящей для себя опасности и спокойно продолжалъ стоять. Сысой, подползши къ врагу, вдругъ выпрямился и какъ стрѣла бросился къ нему на спину, крѣпко обхватилъ горло своими костлявыми но крѣпкими пальцами. Отъ неожиданности нападенія бродяга потерялъ равновѣсіе и упалъ. Сысой старался придушить къ землѣ и налегъ на него всей тяжестью тѣла. Но бродяга сдѣлалъ неимовѣрное усиліе, разжалъ душившія его руки, и черезъ голову сбросилъ съ себя

Сысоя и поднялъ. Взоры ихъ встрѣтились, Онъ узналъ бывшаго старосту, смутно понялъ что этотъ приготовилъ для него что-то недоброе и, озлившись, прошепталъ:

— Ну, старый плутъ, никого не убивалъ, а тебѣ карач...

— Бей, хватай, его!.. вдругъ раздалось въ его ушахъ и пять человѣкъ, махая, дубинами, навалились на Якова. Минуты черезъ двѣ онъ уже лежалъ сильно избитый и связанный крѣпкими веревками по рукамъ и ногамъ.

— Лови другихъ! громко крича и бѣжа по улицѣ, вопили справившись съ бродягой мужики. Главный пойманъ... вяжи остальныхъ.

Но, двое бродягъ, увидавъ участь своего товарища, бросились на утекъ и скрылись. Незавидно было положеніе Смертенскаго: вокругъ него злобно волновалась толпа мущинъ и ребятъ. Длинный Сысой задыхающимся голосомъ, разсказывалъ, какъ онъ своими глазами видѣлъ, что варнакъ, поджигалъ деревни. И теперь, когда бродяга былъ въ рукахъ и безсиленъ, всѣ крестьяне вѣрили этому. Проклятія, угрозы и брань сыпались на его голову. Наконецъ толпа дошла до такой ярости, что рѣшила бросить его живьемъ въ огонь. Сысой радовался и, подойдя къ Якову и толкая его ногой тихо проговорилъ:

— Знаешь ли ты теперь, что такое староста Сысой?.. Собака, свинья.. теперь не уйдешь, а издохнешь... Что же православные, бросай его въ огонь, впередъ наука другимъ будетъ!.. крикнулъ онъ, схватившись за голову бродяги и вмигъ нѣсколько десятковъ дюжинъ рукъ подхватили ого и начали раскачивать... Оставался еще одинъ мигъ и несчастный полетѣлъ бы въ пламя, какъ въ это мгновенiе сквозь толпу продралась женщина съ ребенкомъ и закричала:

— Родимые! стойте... не онъ поджогъ. Тетка Матрена видала, что...

Толпа прiостановилась. Сысой, видя это и проклиная вмѣшательство бабы, снова закричалъ:

— Что вы слушаете бабу... охъ, глупый народъ, да только разбойники и поджигаютъ...

— Врешь, закричали баба, наступая на нищаго: коли бы поджогъ онъ, такъ не помогалъ бы тушить... Мiряне, онъ мою дочь изъ полымя вытащилъ, а Матрена говоритъ, что поджогъ у ней избу нищiй вотъ этотъ самый!—и она указала на Сысоя. Послѣднiй поблѣднѣлъ и смутился. Нѣсколько голосовъ закричало:

— Гдѣ тетка Матрена? подавай ее сюда? Кто поджогъ? говори?... и явившаяся Матрена, разсказала міру, какъ она впустила нищаго, какъ вышла въ сѣни и увидала его въ чуланѣ. Яростно вскрикнули всѣ, выслушавъ этотъ разсказъ, обернулись къ нищему но его уже и слѣдъ простылъ. Онъ успѣлъ скрыться. Хотя теперь Смертенскаго и не бросили въ огонь, по общему рѣшенію приговорено было не отпускать а отправить въ городъ. Его отвели въ пустую избу и приставили караулъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ.

Не смотря на всю физическую крѣпость, бродяга находился почти въ безсознательномъ положеніи, когда его положили въ избу. Придя въ себя, онъ чувствовалъ сильную боль въ членахъ, смутно припомнилъ все происшедшее, и подумалъ, что видно на этотъ разъ онъ совершенно попался. Такъ онъ пролежалъ до полудня, когда къ нему пришли, дали поѣсть, а потомъ вывели на улицу, положили въ телѣгу и повезли въ городъ. Въ провожатые ему дали шесть человѣкъ крестьянъ, вооруженныхъ дубинами. До городу было не близко; приходилось два раза ночевать. Нужно сказать, что Смертенскій всегда носилъ при себѣ деньги и пряталъ ихъ въ подкладку своего зипуна. На первомъ ночлегѣ, ночью, нѣсколько освоившись съ своимъ положеніемъ, онъ сталъ придумы-

вать средства къ побѣгу... что было довольно трудно. Его стерегли зорко. Около него всего и были двое на сторожѣ, а остальные располагались у окна и дверей. Долго перебиралъ онъ въ умѣ своемъ всѣ средства къ спасенію и наконецъ остановился на одномъ, которое ему внушилъ отчасти и самый разговоръ крестьянъ между собой.

Вообще, между простымъ народомъ существуетъ множество баснословныхъ разсказовъ, повѣрій и преданій о разбойникахъ. Многихъ изъ этихъ удальцовъ считаютъ колдунами, умѣющими изъ камня или воды сдѣлать цѣлую рѣку, найти такую траву, которая перетираетъ самые крѣпкіе кандалы и цѣпи, отпирать ворота и проходить сквозь стѣны. Ночью, одинъ изъ стороживших, чтобы не задремать, завелъ съ товарищами разговоръ объ одномъ колдунѣ-разбойникѣ. Яковъ прислушался и рѣшился въ свою пользу употребить суевѣріе и предразсудки простяковъ. Въ теченіе всего слѣдующаго дня онъ самъ завелъ разговоръ о колдунахъ и старался дать понять провожатымъ, что онъ и самъ знаетъ кое-что и въ близкихъ сношеніяхъ съ сатаной, его слушали и вѣрили. На второмъ ночномъ привалѣ, когда при немъ остались вчерашніе сторожа, онъ сказалъ имъ:

— А что, братцы, хотите быть счастливы?

Тѣ серьезно посмотрѣли на него и одинъ молвилъ:

— А ты нешто можешь это сдѣлать?

— Могу... Вотъ, примѣрно сказать, хотите вы денегъ и я достану ихъ.

— Э... за правду?...

— Да. Вотъ голубчики мои, очень вы уже мнѣ понравились; всякое, значитъ, спокойствіе и уваженіе дѣлаете мнѣ, и хочу я за это васъ отблагодарить, отдать кладъ. Онъ теперь ужь мнѣ не нуженъ...

Крестьяне переглянулись.

— А какъ же ты это сдѣлаешь? спросили они въ полголоса.

— Просто; поотпустите мнѣ руку, да дайте уголекъ...

— Такъ кладъ сюда и доставишь?...

— Сюда такъ-таки и предоставлю...

— А ты не убѣжишь? подозрительно спросили они, разбираемые любопытствомъ и желаніемъ владѣть кладомъ.

— Какіе вы смѣшные, братцы! Какъ же я могу убѣжать, коли ноги у меня будутъ

связаны, да и васъ здѣсь двое, а на дворѣ четверо и всѣ съ дубинками.

— И ты дашь денегъ намъ?

— Сколько душѣ угодно.

— А можетъ—они дьявольскія?..

— Нѣтъ, братцы, они настоящія чеканныя, только кладъ-то стережетъ самъ... Ну, теперь близко полночь: если упустимъ время, тогда нельзя будетъ и достать кладъ. Что-жь, развязывайте.

Парни почесывали за затылкомъ. Ихъ брало раздумье: и хотѣлось денегъ, и страшно было развязывать.

— А на троихъ можешь достать? наконецъ сказалъ одинъ: вѣдь тебѣ все равно, если ты въ согласіи съ нечистымъ...

— Пожалуй, для васъ и это сдѣлаю...

— Ну-инъ такъ быть... Гриня, поди позови Власа, онъ—пріятель, нужно и съ нимъ подѣлиться.

— Только вы больше никого не зовите. Гриня пошелъ за пріятелемъ, а другой парень развязалъ руки Смертенскому. Онъ вздохнулъ свободно и потянулся, потомъ началъ разминать члены. Вскорѣ вошолъ и Власъ.

— Ну, братцы, становитесь, а я углемъ обведу около васъ кругъ, только чуръ, что увидите, али услышите, не пугайтесь.

Ему дали уголекъ; онъ попросилъ послабить веревки на ногахъ. Это было исполнено. Парни встали рядомъ. Смертенскій обвелъ кругъ и началъ говорить какія-то несвязныя слова.

Потомъ, ставъ къ нимъ спиной, незамѣтно вытащилъ два рубля серебрянной монеты и потрясъ ихъ въ рукѣ.

— Слышите ли? спросилъ онъ ихъ шепотомъ.

— Слышимъ, чуть дыша, отвѣтили парни.

— Братцы, кладъ теперь близокъ, только не хочется лѣшему его отдать, но я одолѣю... шокемъ, вакамъ, идемъ, сыдымъ...

— Охъ, ребята, самъ идетъ... закройте глаза, отвернитесь...

Они, дрожа, исполнили приказаніе. Смертенскій распуталъ себѣ ноги и выпрямившись, произнесъ.

— Огенъ-вопенъ, вотъ вамъ деньги, подбирайте!... скорѣе, а то уйдутъ...

Онъ кинулъ на полъ два рубля, мужики бросились къ нимъ, толкая другъ друга, но въ это мгновеніе Смертенскій схвативъ одну изъ оставленныхъ дубинъ, взмахнулъ ею надъ спинами простяковъ, положилъ двухъ на мѣстѣ, выскочилъ въ открытую дверь и съ крикомъ:

— Чортъ, чортъ идетъ! выбѣжалъ на улицу, гдѣ, сторожившіе его, два другихъ мужика, съ просонья въ ужасѣ отскочили отъ воротъ и начали кричать во все горло. Въ избѣ тоже была порядочная суматоха. Убѣгая, бродяга затопталъ лучину, которую изъ предосторожности зажигали при немъ сторожа и уцѣлѣвшіе мужики, оставшись въ темнотѣ, точно въ жмурки играли, бѣгая въ избѣ. Пока на шумъ и крикъ выбѣжали люди, Смертенскій былъ уже далеко.

ГЛАВА VII.

Странникъ.—Страннолюбивая помѣщица.—Яма.—Флегонтъ Остапычъ.—Поджогъ.—Сорвалось.

Молва о побѣгѣ бродяги взволновала всѣхъ. Для всѣхъ онъ явился теперь заколдованнымъ человѣкомъ, для котораго не существуетъ никакихъ преградъ. Но начальство посмотрѣло

на это съ другой стороны и приняло дѣятель-
ныя мѣры къ поимкѣ этого опаснаго бро-
дяги.

Спасшись отъ крестьянъ, онъ бросился бы-
ло къ дядѣ Тихону, но послѣдній почти на
отрѣзъ отказалъ ему въ укрывательствѣ, пред-
ставивъ въ свое оправданіе то обстоятельство,
что, по всему вѣроятію, сыщики будутъ
искать его убѣжища въ другомъ мѣстѣ, пока въ
этихъ мѣстахъ все не успокоится и его не
позабудутъ. Справедливость этого совѣта ви-
дѣлъ и самъ бродяга. Онъ только еще не
зналъ, какое средство избрать къ укрытію
своихъ слѣдовъ. Но вдругъ счастливая мысль,
блеснувшая въ его головѣ, имѣла глубокое
основаніе въ народныхъ нравахъ.

Всѣ русскіе люди постоянно отличались
особеннымъ сочувствіемъ къ тѣмъ людямъ, ко-
торые ходятъ по монастырямъ и далекимъ
странамъ съ благочестивой цѣлью. Принявъ
разъ такое рѣшеніе, бродяга уговорилъ дядю
Тихона достать ему странническое платье,
самъ своими руками сдѣлалъ себѣ бороду,
отпустилъ волосы, подчернилъ лицо и такъ
преобразилъ себя, что когда въ этомъ нарядѣ
увидалъ его Тихонъ, то и самъ подивился
искусству Смертенскаго. Онъ едва могъ узнать
въ немъ здороваго парня и для невниматель-

наго взгляда на первый разъ, онъ представлялся полуистощеннымъ, полуразбитымъ человѣкомъ, много испытавшимъ на своемъ вѣку. При этомъ онъ запасся и соотвѣтственнымъ видомъ. Распростившись съ дядей, бродяга смѣло пустился въ путь. Расчетъ его оказался вѣрнымъ: страннический видъ открылъ ему широкую дорогу и селомъ и городомъ. Вездѣ онъ встрѣчалъ себѣ радушный пріемъ; хлѣбъ и деньги за что и своей стороны вознаграждалъ простой людъ разными разсказами о чудныхъ и невѣдомымъ мѣстахъ. Невѣжество и суевѣріе служили ему сильнымъ помощникомъ. Прежняя жизнь у старцевъ послужила ему на этотъ разъ въ пользу: пригодились слышанные отъ нихъ разсказы о житіяхъ, благочестивыхъ людей. И въ то время, когда его разыскивали, онъ благополучно проходилъ мимо сыщиковъ: не возбуждая ни въ комъ подозрѣнія и счастливо перебрался въ другой уѣздъ.

Была уже зима, когда онъ появился въ новомъ мѣстѣ и пріютился въ тепленькомъ мѣстечкѣ. Но прежде нежели мы будемъ говорить о дальнѣйшихъ его похожденіяхъ, нужно будетъ коснуться и личностей новыхъ мѣстъ.

Почти на границѣ Шен го уѣзда, на берегу большой рѣчки, раскидывалась помѣщичья

усадьба съ небольшой деревней. Помѣщицей здѣсь была старая барыня, по имени Аксинья Ивановна Шихмырева. Она была вдова и особенная ея страсть состояла въ безграничной любви ко всякаго рода страннымъ людямъ, которые по этой причинѣ со всѣхъ сторонъ стекались подъ ее гостепріимный кровъ. Молва о ея благотворительности далеко разнеслась въ окрестностяхъ. Слыхалъ о ней и бродяга, а теперь и избралъ старушку цѣлью своихъ продѣлокъ. Онъ расчелъ что ему очень будетъ выгодно поселиться у ней и такимъ образомъ на время скрыться отъ преслѣдованій. Запасшись спиртомъ и натеревъ предварительно имъ все тѣло, онъ, полураздѣтый, появился сначала въ деревнѣ, не заходя на барскій дворъ. Всѣ выбѣжали на него смотрѣть и дивились, что въ зимнее время видятъ человѣка босикомъ. Онъ завернулъ въ одну избу; его тамъ приняли и плутъ поселился въ семьѣ. Страннымъ человѣкомъ показался онъ ей: говорилъ все загадками, плевалъ, увидя женщину, ѣлъ одинъ черствый хлѣбъ, пилъ и смѣялся, а когда слышалъ веселые разговоры — плакалъ и вылъ по бабьи. Суевѣрные люди во всѣхъ этихъ странностяхъ видѣли что-то особенное, чудесное и молва о немъ скоро дошла до старухи барыни, но не смотря на то, что та два раза просила его посѣтить, плутъ упорно отказывался.

Вдругъ неожиданно для всѣхъ, странный человѣкъ скрылся, а чрезъ недѣлю на барскомъ дворѣ случилось несчастіе; увели двухъ лучшихъ лошадей и такъ искусно, что и слѣдовъ нельзя было отыскать. Воровство случилось во время сильной мятели, ночью. Тогда-то вновь вспомнили о странникѣ и припомнили, что онъ предсказалъ это несчастіе еще прежде, которое сильно перепугало всѣхъ, слышавшихъ пророческія его слова. Дѣло было такъ: за день передъ тѣмъ какъ пропалъ бродяга, онъ сѣлъ обѣдать и вдругъ ни съ того, ни сего завылъ и началъ кричать, выскочивъ изъ-за стола и бѣгая изъ угла въ уголъ:

— О горе, горе намъ!... громъ грянетъ, сыра-земля встрепенется!... Идетъ пугъ, найдетъ тутъ...—Ухъ, какъ страшно..

Теперь-то въ этой безсвязной безсмыслицѣ всѣ и видѣли предсказаніе. Къ вечеру появился на помѣщичьемъ дворѣ и самъ пропавшій. Едва онъ только вошелъ туда, какъ жалобно заголосилъ:—Ой, нечисто, нечисто!.. слышу его, выкурю его... прочь, бѣги, идетъ ныра-мамыра... пафъ, пофъ.

Съ этими возгласами онъ схватилъ метлу, стоявшую у садовой калитки, размахивая во-

всѣ стороны, побѣжалъ по двору. Это увидали изъ барскихъ оконъ и доложили барынѣ, объявивъ, что явился самъ блаженный. Старушка перепугалась и вмѣстѣ съ прислугой выбѣжала на крыльцо. Всѣ смотрѣли съ ужасомъ и съ какимъ-то почтеніемъ на его штуки. Старушка-барыня только и твердила:

— Смотрите, смотрите!.. Охъ нехорошо!.. что-то очень нехорошо! Павелъ! Пашка! бѣги, отгони отъ страннаго собакъ! Проклятые изорвутъ его...

Дѣйствительно, положеніе странника было болѣе чѣмъ опасно: съ полдюжины здоровенныхъ собакъ напали на него и онъ отчаянно отмахивался отъ нихъ. Павлушка со всѣхъ ногъ бросился отгонять ихъ и, освобожденный странникъ, махая метлою, со всего разбѣга остановился передъ крыльцомъ, вытянулся, присѣлъ и высунулъ языкъ. Всѣ съ испугомъ попятились отъ него.

— Что, тетенька, лупишь глаза-то? улыбаясь заговорилъ онъ, али не видишь, что я пришелъ?.. Здравствуй...

— Здравствуй, батюшка, отвѣчала старушка, кланяясь въ поясъ: я давно ожидала тебя, милости прошу...

Идя за ней въ комнаты, плутъ гнусливо запѣлъ:

— Иду, ищу, коня найду. Не пройдетъ двухъ ночей, правда встанетъ, кривда въ пре-

исподнюю уйдетъ... закатывай, каталка, заматывай мочалка.

— Слышите, слышите, перешептывались всѣ: онъ пророчествуетъ, узналъ о пропажѣ.

Въ такомъ безумномъ родѣ велъ себя онъ весь вечеръ и въ самой серединѣ ужина вдругъ вскочилъ и сказалъ:

— Спать!...

Хозяйка поспѣшила исполнить его приказаніе и повела въ приготовленную для него заранѣе комнату гдѣ была мягкая постель. При видѣ пуховика бродяга пришелъ въ сильный гнѣвъ, все сбросилъ на полъ и объявилъ, что все это сатанинскія прелести, а его постель голая доска и жесткій камень. Нужно было видѣть, какъ все это подѣйствовало на простую и суевѣрную старушку, она съ какимъ-то благоговѣніемъ взирала на все это безобразіе, слезы умиленія текли по сморщенному лицу и она шептала про себя.

— Вотъ съ кого намъ, грѣшнымъ, примѣръ надо брать. Прощаясь съ нимъ, она проговорила:

— Прости меня, отче, и помяни отходящую ко сну рабу Ксенію...

— Гряди и бди, жено, съ миромъ и аминь.

Старушка ушла. Оставшись одинъ—бродяга въ душѣ смѣялся надъ простотой людей, потомъ заперъ дверь, вынулъ изъ шароваръ

полштофъ водки и кусокъ баранины и началъ ѣсть, вознаграждая себя за дневной постъ. По утру раньше всѣхъ проснулся, прибралъ остатки своей трапезы, полуотворилъ дверь, и когда начали всѣ просыпаться въ домѣ и проходить мимо двери, то въ щель видѣли, какъ онъ лежа на полу билъ себя въ грудь и тяжело стоналъ. Долго старушка барыня не смѣла безъ него приняться за утренній чай, а когда онъ вышелъ, то насилу упросила его выпить чашку чая. Барыня несмѣло спросила:

— Скажи мнѣ, человѣче, отыщется-ли пропажа у рабы Ксеніи?

Этотъ человѣкъ, вмѣсто отвѣта, вскочилъ, завертѣлся по комнатѣ, пропѣлъ пѣтухомъ и скороговоркой проговорилъ:

— Пошла, нашла; бди и жди... закатывай, удалый!...

И во весь этотъ день отъ него никто ничего не добился яснаго, но всѣ въ этомъ видѣли что-то важное: за нимъ начали ухаживать, всѣ наперерывъ старались ему служить и угодить.

Было часовъ одиннадцать ночи, когда всѣ въ домѣ улеглись и бродяга тихо прокрался въ сѣни и вышелъ на улицу. Выйдя за околицу — онъ цѣликомъ пошелъ по полю и вскорѣ остановился на краю оврага. Онъ свистнулъ, ему отвѣтили, и изъ темноты обрисовалась

другая мужская фигура. Они спустились въ оврагъ, прошли нѣсколько времени по проложенной тропинкѣ, поднялися на другую сторону и взошли въ лѣсъ. Сдѣлавъ нѣсколько оборотовъ, они остановились около шалаша. Встрѣтившая бродагу фигура, вошла въ него и черезъ минуту вывела оттуда пару отощавшихъ лошадей. Это были кони помѣщицы. Ихъ укралъ Смертенскій, сговорившись съ однимъ изъ дворовыхъ конюховъ старушки. Въ то время дворня представляла сборъ самыхъ разнообразныхъ личностей, привыкшихъ къ всевозможнымъ порокамъ и отвыкшихъ отъ всякаго правильнаго труда.

— Ну, теперь что дѣлать? спросилъ конюхъ.

— Поставь ихъ на дворъ, а когда встанетъ барыня, разскажи ей, что лошадей привелъ лѣшій.

Оба плута размѣялись и, сѣвъ на лошадей, пріѣхали назадъ. Бродяга тайкомъ пробрался въ свою комнату. Причина такой продѣлки со стороны его была проста. Надѣясь на простоту и невѣжество старушки и людей, Смертенскій придумалъ заставить вѣрить въ себя посредствомъ предсказанія и открытія лошадей. Это ему удалось какъ нельзя лучше.

По утру Аксинья Ивановна проснулась, потянулась, и разбудила свою горничную дѣвушку, такую же старую, какъ сама, и которая постоянно спала на полу около барской постели.

— Палашка, проговорила барыня,—знаешь-ли, какой я сонъ видѣла? Слуша : иду я, будто, по полю, и вдругъ вижу, идетъ нашъ странникъ, да говоритъ мнѣ: Ксенія, Ксенія радуйся... чтобы это значило.

— Не знаю, сударыня, должно быть что-нибудь хорошее...

— И я тоже думаю; но что?...

— Можетъ о лошадкахъ...

— Дай-то Богъ....

— Это вѣрно. Вы вспомните, матушка, ка въ первый разъ-то странникъ сказалъ: го сритъ и двухъ ночей не пройдетъ, какъ сдѣлается чудо....

— Помню, помню... Ну, Палаша, поди, буди дѣвокъ, да вели готовить самовар ... Посмотри на блаженнаго: чай всю ноченьку бдѣлъ, вѣдь это не мы съ тобой грѣшныя.

Вскорѣ всѣ встали. Барыня вышла въ столовую и только что хотѣла приняться за чай, какъ ей доложили, что пришелъ конюхъ Петръ. Она велѣла его позвать. Конюхъ взошелъ, и съ слезливымъ крикомъ:

— Матушка, кормилица ты наша! пришли, сыскались!... повалился ей въ ноги. Этотъ человѣкъ былъ типъ дворовыхъ людей, которые вмѣстѣ съ наглостью соединяли въ себѣ столько подлости, что на нихъ противно было смотрѣть здоровому человѣку. Это былъ негодяй въ полномъ значеніи этого слова и первый

сплетникъ и наушникъ. Въ первую минуту старушка нѣсколько испугалась и даже поблѣднѣла.

— Что такое Петръ!.. что съ тобой?—говорила она.

— Родная ты наша!—ревѣлъ онъ. Мочалка съ Качалкой!..

— Ахъ... пришли?...

— Не пришли а привели...

— Кто?

— Нечистая сила...

— Что?.. правду ли ты говоришь?.. съ нами крестная сила!.. Старушка, блѣднѣя, перекрестилась и плюнула.

— Правду, правду. Вотъ какъ было дѣло-обхожу я это, родная, по задворкамъ, а сердце то такъ и дрожитъ, такъ и дрожитъ... вдругъ, слышу, лошадь заржала, у меня такъ и екнуло внутри: узналъ голосъ моей голубушки,—Мочалки... Ну, я такъ безъ памяти и бросился впередъ, но подбѣжавъ, такъ и обмеръ на мѣстѣ, около нихъ, сударыня ты моя стоялъ самъ, значитъ, нечистый...

— А ахъ...

— И говоритъ мнѣ...

— Что, ты, что ты, опомнись! развѣ онъ говоритъ когда съ человѣкомъ?

— Со мной говорилъ, своими ушами слышалъ...

— Ну, Петръ, тебѣ нужно молебенъ от-

служить... экія страсти... что же онъ сказалъ, сатана?

— Ну, говоритъ, бери коней... не отдалъ бы, я, да у васъ сильный человѣкъ въ домѣ — боюсь его...

— Такъ-таки и сказалъ это?

— Да, матушка, да... сквозь землю чтобъ мнѣ провалиться, коли вру...

И наглецъ наболталъ такого вздора, что еслибы тутъ былъ кто-нибудь немного поздравомыслениѣе, то плюнулъ бы ему въ лицо; но бѣдная барыня и ея прислуга все приняла за чистую монету. Такъ глубоко было легковѣріе и невѣжество этой среды въ то время. Въ концѣ концовъ все это сдѣлало то, что на бродягу стали смотрѣть какъ на необыкновеннаго человѣка и его положеніе въ домѣ совершенно упрочилось. Цѣлую зиму провелъ онъ тутъ не объявляясь; мало по малу его начали забывать—какъ вдругъ съ весной въ этомъ уѣздѣ открылось многочисленное конокрадство, поджоги и грабежи, а вмѣстѣ съ ними и дѣла Яшки Смертенскаго. Дѣйствительно, въ теченіе зимы, онъ съ помощію конюха вошелъ въ сношенія съ послѣдними отребьями населенія этой мѣстности, укрывалъ воровскую шайку и съ нею грабилъ. Онъ, выходилъ по ночамъ оставляя свой поддѣльный видъ и являясь красивымъ молодцомъ. Кромѣ Петра, даже и новые товарищи не знали его

въ двухъ видахъ. Пускаясь въ ночныя экспедиціи, Смертенскій, если это было далеко, скрывался изъ дому подъ предлогомъ богомолья на нѣсколько дней а если ограбить вблизи, то просто выѣзжалъ ночью.

Всѣ поднялись на ноги и начали усердно отыскивать бродягу, онъ ловко и удачно ускользалъ изъ подъ-рукъ. Ловили молодца, и не подозрѣвали разбойника въ странномъ одѣяніи. Вмѣстѣ съ удачей росла и его дерзость.

Въ уѣздѣ, гдѣ объявился Смертенскій былъ въ то время капитанъ-исправникомъ Флегонтъ Остапычъ Шиперко, знатокъ своего дѣла, славящійся поимкой разныхъ опасныхъ бродягъ. Обладая большой физической силой, наводилъ на нихъ страхъ, въ народѣ слылъ за Тантыгина, и большая часть негодяевъ старалась подальше шалить отъ его уѣзда. Этимъ гордился капитанъ-исправникъ и теперь осмѣлился появиться у него Смертенскій, онъ выходилъ изъ себя и клялся, что живаго или мертваго, онъ изловитъ его. Но проходили дни, недѣли, а бродяга словно смѣялся надъ всѣми усиліями Флегонта Остапыча и появлялся тамъ гдѣ всего менѣе ожидали, грабилъ почти на самыхъ глазахъ грознаго Шиперко. Долго онъ не могъ понять причины, — почему не удается ему открыть мѣстопребываніе бродяги, на конецъ у него блеснула

мысль, странная но тѣмъ не менѣе справедливая, не скрывается ли онъ среди страннаго люда, посѣщающаго Аксинью Ивановну? и чѣмъ больше онъ объ этомъ думалъ, тѣмъ сильнѣе убѣждался въ своемъ предположеніи. Человѣкъ онъ былъ рѣшительный, смѣлый и любилъ дѣйствовать быстро.

Будто нечаянно завернулъ онъ однажды къ старой барынѣ и переполошилъ всѣхъ, особенно—странниковъ. Въ это время былъ тутъ дома и опасный бродяга. Едва только онъ завидѣлъ Флегонта Остапыча, то тотчасъ же почувствовалъ сильнѣйшія колики и головную боль, почему и поспѣшилъ скрыться въ свою комнату, запретивъ себя безпокоить. Взойдя и поздоровавшись съ хозяйкой. Флегонтъ Остапычъ сразу приступилъ къ цѣли своего прибытія и вѣжливо попросилъ позволенія спросить странниковъ, что они за люди? Особенно его безпокоитъ какой-то Паша, личность очень подозрительная. Какъ услыхала только Аксинья Ивановна что ея любимцевъ считаютъ за дурныхъ людей, то пришла въ сильное негодаваніе и рѣшительно объявила, что Флегонтъ Остапычъ великій грѣшникъ, не вѣрующій и что ему стыдно безпокоить бѣдныхъ странниковъ. Но Флегонтъ Остапычъ остался при своемъ, и приступилъ къ дѣлу. Всѣ были вызваны предъ его грозныя очи. Вышелъ и Паша, такъ прозывался въ домѣ

Смертенскій. И какъ же онъ измѣнился въ самое короткое время, пока гость переговаривалъ съ барыней. Клочьями висѣла его борода, въ безпорядкѣ падали волосы на плечи, лицо приняло какое-то страдальчески—истомленное выраженіе а въ немъ отражался какой-то внутренній недугъ. Одна рука вдругъ стала короче другой, на одну ногу онъ прихрамывалъ.. Флегонтъ Остапычъ началъ допросъ. Первымъ подвернулся ему одинъ странникъ, среднихъ лѣтъ мужчина.

— Билетъ есть? грозно спросилъ онъ. Странникъ, казалось, не слыхалъ и продолжалъ вопросительно смотрѣть на него. Флегонтъ Остапычъ громче повторилъ вопросъ и такъ сильно дернулъ страннаго за плечо, что у того тотчасъ же явился слухъ.

— Билета нѣтъ...

— Нѣтъ?... Такъ кто же ты? грозно крича и тряся за шиворотъ этого человѣка, горячился чиновникъ.

— Ваше.... ваше превосходительство... я сирота Божья...

— Имя, ракалія, имя...

— Сирота Митрій...

— Откуда?...

— Отъ персти земной.

— Туда и вгоню опять, туда... Взять сироту! За нимъ послѣдовало точно также и другая сирота, только женскаго рода. Старушка

только охала и тряслась отъ страха, что въ ея домѣ обижаютъ бѣдныхъ сиротъ. Дошло дѣло и до Паши. Онъ смѣло подалъ свой видъ и прямо глядѣлъ въ глаза. Флегонтъ Остапычъ окинулъ его испытующимъ взглядомъ. Несмотря на то, что въ этомъ лицѣ для неопытнаго человѣка не было ничего подозрительнаго онъ проговорилъ:

— Экая мерзкая рожа!

— Не рожа, ваше вы—діе, а мѣщанинъ города Котельничъ, а вотъ и свидѣтельство отъ первостатейнаго монастыря о моемъ странолюбіи, проговорилъ Паша, подавая ему другую бумагу. Послѣдній быстро взглянулъ на нее, плюнулъ и оборотясь къ старушку, сказалъ:

— Охота вамъ, сударыня, держать у себя всякую дрянь... Вотъ что, Котельничій гражданинъ, совѣтую тебѣ убираться отсюда... хоть и все исправно у тебя, но мнѣ сдается, что ты порядочный пройдоха... Паша скорчилъ смиренную рожу и тихо проговорилъ:

— Не я первый страдахъ, но азъ все снизи потерплю... смиряйся, смиренъ будеши...

— Молчать!... Аксинья Ивановна, я прошу васъ покорно не держать его... но о тебѣ подумаю, пріятель... Вы не знаете, сударыня, что теперь у насъ завелись такіе гости, что я и представить себѣ не могу... ну, да ужъ погоди, Яшка Смертенскій, доберусь до тебя: въ бараній рогъ согну!...

Изъ груди Паши вырвался не то стонъ не то смѣхъ. Флегонтъ Остапычъ набросился на него.

— Ты, что это рычишь?

— Подъ ложечкой схватило...

— Смотри, чтобъ еще гдѣ не схватило...

И онъ ушелъ въ гостинную, куда нетерпѣливо звала хозяйка, чтобы отвести его гнѣвъ отъ своего любимца.

Между тѣмъ, какъ онъ закусывалъ въ гостинной, странникъ подошелъ къ окну и замяукалъ кошкой. Вскорѣ подбѣжалъ конюхъ. Это было уже около одиннадцати часовъ вечера.

— Узналъ ли—куда поѣдетъ онъ? спросилъ бродяга конюха.

— Назадъ въ городъ, ямщикъ сказывалъ.

— Когда?

— Нынче же.

— Отведи кучера отъ повозки минутъ на десять, приготовь коня въ поле и дай мнѣ знать.

— Хорошо.

Конюхъ скрылся и вскорѣ Смертенскій услыхалъ крикъ вороны. Онъ быстро выскочилъ изъ окна, подошелъ къ повозкѣ, порылся и изъ-подъ подушки досталъ двухствольный пистолетъ. Бродяга вмигъ вынулъ пули, оставилъ холостой зарядъ. Потомъ воротился въ комнату. Черезъ часъ Флегонтъ Остапычъ велѣлъ подавать лошадей. Передъ отъѣздомъ

онъ еще разъ вызвалъ Пашу, ругнулъ его и пригрозилъ. Тотъ все смиренно выслушалъ но еслибы кто могъ заглянуть во внутрь его души, то увидалъ бы какая неистовая ярость кипѣла въ немъ.

Едва только уѣхалъ Флегонтъ Остапычъ, какъ старушка поспѣшила было успокоить обиженнаго страника, но тотъ замахавъ руками, заговорилъ:

— Спать, спать! и ушелъ въ свою комнату. Старушка съ печалью ушла въ свою опочивальню, и когда всѣ улеглись, бродяга выскочилъ изъ окна и пробрался въ поле, гдѣ у изгороди нашелъ быструю Качалку. Онъ вскочилъ на нее и во весь опоръ понесся къ тому пути, по которому ѣхалъ Флегонтъ Остапычъ. Страническое свое одѣяніе и бороду онъ оставилъ въ комнатѣ. Въ то время, какъ онъ скакалъ старушка не разъ подходила къ его двери и стучась, говорила:

— Блаженный Павелъ, впусти рабу Ксенію.

Но отвѣта не было; тогда она послала свою Палашку попытать счастья, потомъ по очередно всѣхъ дѣвокъ, но когда и затѣмъ завѣтная дверь не отворилась, всѣ рѣшили, что рабъ Божій гнѣвается и со страхомъ ожидали, что будетъ. И дѣйствительно—страхъ этотъ готовился.

Бродяга за часъ прискакалъ къ одному оврагу, черезъ который перекинутъ былъ мостъ

ъ

и гдѣ слѣдовалъ путь Флегонту Остапычу... Онъ привязалъ лошадь къ кустамъ, бросился къ мѣсту и вынулъ нѣсколько перекладинъ изъ средины его. Ночь была свѣтлая, мѣсячная. Черезъ полчаса онъ услыхалъ колокольчикъ приближающагося Флегонта Остапыча и спрятался въ кустѣ. Тройка въѣхала на мостъ и вдругъ остановилась. Кучеръ сошелъ съ козелъ и стоялъ въ недоразумѣніи, видя преграду. Флегонтъ Остапычъ, почувствовавъ сквозь дремоту, что лошади встали, сердито крикнулъ:

— Пошелъ, что стоишь?

— Нельзя ѣхать баринъ...

— Какъ нельзя?

— Да мостъ разобранъ.

Флегонтъ Остапычъ выскочилъ изъ повозки и неистово закричалъ:

— Кто разобралъ?.. Ахъ онъ такой сякой! Кто смѣлъ это сдѣлать?

— Я! раздался голосъ. Ямщикъ и капитанъ-исправникъ оглянулись. Къ нимъ медленно подходила фигура:

— А кто ты?

— Яшка Смертенскій.

— Такъ вотъ тебѣ! крикнулъ Флегонтъ Остапычъ, подскочилъ къ кибиткѣ, схватилъ пистолетъ и выстрѣлилъ въ бродягу. Но за выстрѣломъ послышался смѣхъ и прозвучалъ голосъ.

— Баринъ, не шали. Вотъ тебѣ назадъ орѣхъ твой... смѣлѣй стрѣляй въ другой разъ!..

Выстрѣлъ раздался, и передъ самымъ носомъ увидалъ Флегонтъ Остапычъ смѣющееся лицо Смертенскаго.

— Что, другъ, не берутъ меня твои пѣрушки... Ну, не найдется ли еще?

Но противникъ, не лишенный суевѣрія, совершенно растерялся и стоялъ, какъ вкопанный. Бродяга злобно засмѣялся и схватилъ поперекъ тѣла оробѣвшаго врага.

— Ну, Флегонтъ Остапычъ, я поговорю теперь по своему, говорилъ онъ связывая его руки и ноги, и таща въ кусты. Нечего и говорить, что кучеръ, увидя первую схватку, отъ страха не зналъ что и дѣлать и въ испугѣ забился подъ повозку. Между тѣмъ бродяга бросивъ въ кустъ Флегонта Остапыча.

— Слушай, крикнулъ онъ: я расправился съ бариномъ, теперь нужно утекать—идешь ли со мной?

— Иду.

— Ну, такъ надо барыню пооблегчить, деньги нужны на дорогу. Готовь коней, а я распоряжусь въ комнатахъ...

Онъ прямо пошелъ въ домъ, прошелъ на женскую половину и безъ труда перевязалъ сонную прислугу. Потомъ вошелъ въ спальную барыни. Комната тускло освѣщалась лам-

падой, отъ шороха старушка проснулась и, увидя Смертенскаго удивленно посмотрѣла на него. Онъ подошелъ къ ея постели.

— Ну, узнаешь-ли Пашу? проговорилъ онъ, остановясь передъ кроватью.

Старушка отъ страха что-то забормотала.

— Да, барыня, это я, Паша, а для другихъ Смертенскій. Благодарю за хлѣбъ-соль, а теперь прощай, да на дорогу—пожалуй-ка шкатулочку, что подъ головой.

Глаза его грозно сверкнули. Бѣдная старушка безъ чувствъ упала на подушки, а вскочившая со сна Палаша, какъ угорѣлая выбѣжала изъ комнаты и, не находя выхода, бѣгала по комнатамъ. Смертенскій взялъ деньги, выбралъ серебро и, выбѣжавъ изъ комнатъ, поджегъ домъ, вскочилъ на поданную тройку и помчался вскачь изъ усадьбы. Когда обернулся, то увидалъ что усадьба объята вся пламенемъ...

Эти два происшествія навели панику на всѣхъ. Всѣ дрожали за свою жизнь и спокойствіе. Но съ другой стороны вызвало и энергичное преслѣдованіе, особенно за него принялся униженный Флегонтъ Остапычъ, найденный крестьянами въ безчувственномъ состояніи, онъ пришедши въ себя, рѣшился скорое поимкой отомстить за себя и успокоить вдозлнованные умы. Слѣдъ былъ открытъ, Флегонтъ Остапычъ, не заѣзжая домой, тот-

часъ разослалъ приказанія и пустился лично преслѣдовать. Онъ прискакалъ къ усадьбѣ бѣдной старушки и почти по слѣдамъ бросился въ погоню за бродягой, который уже рыскалъ въ другомъ уѣздѣ и спѣшилъ добраться до дяди Тихона. Флегонтъ Остапычъ не медлилъ ни минуты, и давъ знать мѣстной полиціи, продолжалъ преслѣдованіе. Къ счастію подвернулся къ нему на помощь и старый Сысой, который изъ своихъ выгодъ желалъ поимки бродяги. Ему были извѣстны всѣ притоны и онъ, въ надеждѣ изловить врага, уже давно изучилъ и разсмотрѣлъ притонъ Тихона.

Ночью прискакалъ бродяга къ пріятелю и вмѣстѣ съ Петромъ скрылся въ подземельѣ, расчитывая переждать время. Но по утру, внезапно и для Тихона, явились и сыщики. Не давъ опомниться старому плуту, они скрутили его и во главѣ съ Сысоемъ пошли на поиски. Въ тоже время въ оврагѣ спрятались и другіе. Прискакалъ Флегонтъ Остапычъ. Двинулись къ потаенной ямѣ. Подойдя къ ней, никто не рѣшался спуститься въ нее.

— Трусы! загремѣлъ капитанъ-исправникъ и полѣзъ въ яму съ пистолетами въ рукахъ. Веди, указывай проходъ! крикнулъ онъ Сысою и послѣдній, прячась за него, указалъ ходъ. Въ это время только что проснулся Смертенскій и услыхавъ неопредѣленный шорохъ, подошелъ къ проходу и заглянулъ туда. Тамъ

онъ увидалъ тихо и осторожно ползущаго человѣка. Предполагая, что это идетъ Тихонъ онъ крикнулъ: дядя, это ты?

— Я, послышался отвѣтъ. Грохнулъ выстрѣлъ и едва только разсѣялся дымъ какъ въ логовище вскочилъ бѣшеный Флегонтъ Остапычъ, а за нимъ и длинный Сысой. Пуля, пущенная на угадъ, пролетѣла мимо бродяги, впившись въ ногу соннаго конюха. Тотъ такъ и остался на мѣстѣ. Смертенскій, увидавъ, что онъ открытъ, мгновенно бросился къ выходу но оттуда тоже показалась вражья голова. Съ секунду онъ неподвижно стоялъ на мѣстѣ, потомъ сильнымъ ударомъ отбросилъ въ сторону Флегонта Остапыча бросился на Сысоя, ударивъ его ножемъ въ грудь и притиснувъ ногой къ землѣ, проговорилъ:

— Ну, предатель, коли я погибъ, такъ и ты не ушелъ!... Баринъ, не цѣлься: я живой въ руки отдамся: перехитрилъ ты меня.... Все сорвалось!... вяжите!...

И онъ протянулъ руки. На него надѣли кандалы и колодку на шею.

Конецъ.

